

Небоскреб

Автор:

Лина Соле

Небоскреб

Лина Соле

Он словно пропитался одиночеством, упивается им, хочет испытать его до конца, чтобы оттолкнуться от дна целебной пустоты или, наконец, захлебнуться мрачными воспоминаниями. И вот он на крыше небоскреба, впрочем, как обычно. Неоновая ночь, мысли, спешащие по привычному кругу, опять один. Только не в этот раз: кто-то стоит позади. Кто ты?! Готов ли герой вместе с новым другом открыть удивительный мир, спрятанный в необитаемых слоях и скрытых тоннелях нейросети, расширить собственные горизонты до бесконечных масштабов, доступных прежде лишь изощренным умам фантастов? Готов ли он вновь влюбиться и снова потерять близкого человека? Каждому герою романа придется сделать шаг в пропасть собственной трусости или в бездну виртуального отчаяния, чтобы докопаться до истины. Сегодняшний день никогда не повторится, но что ждет человечество завтра?

Лина Соле

Небоскреб

Глава 1. Терапия

Город, растворяющийся в бликах неоновых огней. Чуть прикрываю глаза и не вижу ничего кроме постоянно меняющихся ярких вспышек: синий, фиолетовый, красный, много белого и слабо различимый зеленый. Я всегда думал, что

зеленый – очень заметный цвет, взять хотя бы сигнал светофора, особенно ночью, как сейчас. Но оказалось, что в какофонии других цветов он теряется, становится блеклым, а то и вовсе пропадает, сменяясь на неопознанный неоново-лимонно-желтый. Мы потеряли слишком много зеленого за последние десятилетия. Мегаполисы, мегаполисы. Они, словно жуки-короеды, словно мерзкие термиты, расползаются все глубже в леса, стирая все зеленое с лица земли. Плевать. Сейчас это не важно, сейчас есть только ночь и я. В проклятом мегаполисе.

Мысли несутся в привычном направлении самоанализа, в то время как город словно теряется, исчезает для меня. Я не различаю ненавистных небоскребов, бесконечных дорог и эстакад, миллион зачем-то построенных и кому-то нужных магазинов, только огни заполняют мое воображение: огни и мысли, мысли и огни. Я сижу на крыше высокого дома, с которым меня связывают самые тёмные воспоминания, но это – мое место силы, мой шрам, который стал странно и горячо мной любимым.

У меня нет ключа от технического этажа этого дома, но все-таки я здесь. Как была здесь и она. Марта. Она оставила после себя слишком много вопросов, боли и разочарования. Просто шагнула вниз. Короткое «Люблю, не вини себя» десять лет назад заставило меня нестись через весь город, обгоняя неспешные парочки, возвращающиеся с первого свидания, и шумные компании, дружно направляющиеся в клубы. Я бежал так быстро, как никогда, и в ужасе думал: «А куда я бегу? Квартира Марты в другой стороне, какого черта я бегу в центр?» Но спустя двадцать минут я стоял напротив небоскреба, не в силах перейти дорогу. Меня трясла крупная дрожь от того, что я видел, а вдалеке был слышен вой сирены, заглушавший мой собственный крик. Картинка, которая останется со мной до последнего вздоха.

Я резко открыл глаза и шумно выдохнул. Так начиналась моя ежедневная Терапия. Мой якорь, мой стартовый выстрел. Я всё оставил позади: депрессия, море алкоголя, горы таблеток и психиатры, самые настоящие, в белых халатах и с жесткими уставшими глазами. Я не понимал тогда и не понимаю сейчас, но суть и не в том, чтобы понять. Суть в том, чтобы принять. В конечном счете я принял ее решение. Ведь то был ее выбор, ее жизнь. Не моя. Но сегодня никто не знает, с какой картинки я начинаю каждый вечер, оставшись наедине с собой. Худший день моей жизни, с которым я сравниваю все остальные и понимаю, что не так все дерьмово. Во всяком случае, хуже пока не бывало.

И вот, город снова на своем привычном месте – темные дома с вереницами зажженных окон, огни редких машин, вездесущая реклама. Обычная ночь, как и тысячи других до нее. «Так, что сегодня было? – вздохнув, я рутинно начал прокручивать сегодняшний день про себя. – Проснулся, позавтракал в кофейне, поболтал с Софи про новый проект. Когда я уже решусь пригласить ее на свидание? Слунтяй!»

Я замотал головой и начал вводить в заметку на 20 октября: «10:00 – Нерешительность с Софи – злость на себя». Рука привычно нажимала на видимые только мне буквы на появившейся на периферии зрения клавиатуре. Я смахнул ее и продолжил вспоминать: «Около двенадцати мама напомнила, чтобы я не опаздывал к трем. Вечная каторга – воскресный семейный обед. Бред и атавизм. Когда они поймут, что для меня это не радостное событие, скорее, наоборот, – доска позора, принижение меня, как личности?! Зато они – образцы для подражания, настоящая идиллия: мама с отчимом, Лиза с мужем и детьми, Макс с невестой. И я, старший из детей, одинокий и неприкаянный, с горой психотравм и сомнительным будущим». Я сжал кулаки от досады, потом жестом вернул клавиатуру и начал писать: «12:00 – Мысли о семейном ужине». Я задумался, как лучше описать свои чувства. Нововведение моего сеть-психолога – записывать свои переживания и эмоции, анализировать их, менять негативный настрой на позитивный. Меня совсем не утомляли еженедельные онлайн встречи с сеть-психологом, скорее, забавляли. Особенно ее методики и подходы: самый настоящий детский лепет в сравнении с жесткой терапией клинических психиатров. Но меня радовала их необременительность и простота. «Хм... Семейный ужин. Скорее, раздражение и тоска, – я быстро дописал заметку и продолжил размышлять. – В час зашел к Киру, забрал....»

– Что ты здесь делаешь?

Я чуть не подпрыгнул от неожиданности, испытал микроинфаркт от испуга: сердце на миг остановилось, после чего принялось бешено биться. Никто и никогда здесь не появлялся, кроме меня! Я стремительно развернулся всем корпусом, за моей спиной, шагах в двадцати кто-то стоял. Темнота не позволяла различить деталей внешности, но голос вроде был детский, значит, опасности не было.

– Что? – я прекрасно слышал вопрос, но совершенно не желал на него отвечать, да еще и непонятно кому.

– Что ты здесь делаешь? Здесь нельзя быть, – человек сделал несколько робких шагов ко мне. Я попытался рассмотреть своего оппонента. Да, это – определенно ребенок. Шорты по колено, темная футболка, волосы – короткий ершик. Возраст? По-моему, у детей лет до тринадцати вообще нет возраста, по крайней мере, я никогда не мог его определить.

– Эй, ты немой? Я же сказала, здесь нельзя быть! – «черт возьми, это еще и девчонка! Ну и видок у нее».

– Я не собираюсь перед тобой отчитываться, ты сама-то что здесь делаешь? – выпад был довольно резким с моей стороны, но не пошла бы она со своими претензиями!

– Я сюда иногда прихожу, но тебя никогда не видела. Как ты сюда попал? У тебя есть ключ? – про себя я отметил, что она явно нервничает, постоянно теребит и крутит пальцы.

– Нет, ключа нет, – пожалуй, тот же вопрос я бы задал и ей, но не стал. – Ты живешь в этом доме?

– Угу, – коротко ответила девочка и прошла мимо меня к небольшому технологическому выступу, ловко забралась на него и уселась по-турецки.

– Почему ты не дома, не спишь? Уже поздно! – я даже поразился своему наставническому тону, никогда раньше не замечал его за собой, даже с племянниками.

– Да так. Папа привел домой друзей, там шумно и... – девочка пожала тонкими плечами и небрежно почесала щеку, – и им не до меня.

– Здесь не место для... – я замялся. Для кого? Для детей, для подростков, как ее назвать?

– Я – Лиана, – я увидел, как в темноте блеснули ее зубы. – Для друзей – Ли.

– М-м, понятно, – почему-то я не додумался представиться в ответ, меня больше поразило ее добавление: «Для друзей – Ли». Я ей не друг, да и опасно называть

незнакомцу такие детали. – Так ты говоришь, приходишь сюда иногда? Всегда, когда к твоему отцу приходят друзья?

– Да нет, не только. И он мне не отец, – она как-то угловато сгорбилась и зажмурилась, но продолжала теревить пальцы. – Мой отец умер, когда мне было шесть, а Кот – он отец моего брата, но меня тоже просит называть себя «папой».

Меня покорило, во-первых, от странного и непонятного «Кот», а во-вторых, от неожиданного воспоминания: когда мне было четыре года, умер мой отец. Я много лет не вспоминал то время.

– Как ты сказала? Кот? – лучше было прервать нахлынувшие воспоминания.

– Ага, его так зовут друзья. Он сидел в тюрьме, – буднично пояснила Лиана. Криминальный мир мне был абсолютно не близок, да и нововведения в сфере правосудия казались мне какой-то бесчеловечной дичью, поэтому я принял ее слова, как данность, и не желал развивать разговор в этом направлении.

– Значит, у тебя есть младший брат? – перевел я тему, хотя не понимал зачем. Не лучше ли было просто оставить ее здесь, а самому – уйти?

– Он старший, ему восемнадцать, – девочка бросила на меня взгляд и захихикала. – Там долгая история.

– Понятно, – парировал я, хотя ничего, конечно, мне не было понятно. Я задумался над ее словами, но меня отвлек звук сирены полицейской машины, раздавшийся недалеко от сквера Памяти.

Спустя полминуты молчания Лиана неожиданно продолжила.

– Рома не любит меня, даже ненавидит. Так было всегда, как только я родилась, – я кратко посмотрел на нее, Лиана сжалась, обняв колени, и казалась теперь совсем маленьким ребенком, загнанным зверьком. – Рома – сын Кота. Когда Кот попал в тюрьму, мама уже не хотела с ним быть и встретила моего папу. А когда он погиб, мы жили очень бедно: мама работала все время, Рома постоянно бил меня и обижал. А потом Кот позвал нас жить к себе. Он уже вышел из тюрьмы и простил маму. Он так постоянно говорит, когда они

ругаются.

Я не знал, что сказать в ответ на подобные откровения. Если честно, я совсем не хотел знать перипетии судьбы незнакомой девочки. Пожалуй, многие сталкиваются с чем-то подобным: несчастливые браки родителей, жестокость старших братьев, криминальные и другие неприятные истории. В конечном счете меня самого потрепала судьба, прежде чем я хоть немного оправился и ступил на худо-бедно верный путь. Поэтому я решил, что пришло время аккуратно выбираться отсюда.

– Слушай, почему бы тебе не поговорить с сеть-психологом? В школе же у вас есть сеансы? – я задумался, вспоминая: вроде бы они начинаются в только старших классах, с четырнадцати. – Тебе сколько лет?

– Мне двенадцать и... – она замялась, словно не зная, как закончить начатую фразу, – я не хожу в школу.

– Как так? – вот теперь я, действительно, удивился: в наше время обучение было почти культом! Святейшая обязанность каждого человека – заботиться о своем образовании, постоянном апгрейде[1 - От англ. Upgrade – улучшение] навыков и знаний.

– Ну... Раньше ходила, но потом меня забрали из-за... инцидента, – Лиана зарылась лицом в колени, давая понять, что не желает говорить на острую тему.

– Тогда, не знаю, с подругами? Или с мамой, – я понимал, что мои идеи никуда не годятся, но и выступать в качестве психолога не хотел, да и не мог – не было у меня такой квалификации.

– Иди, ты же хотел уйти, – пробормотала она, не поднимая головы. Мне даже показалось, что я ослышался.

– Что? – переспросил я, как идиот.

Лиана подняла глаза над коленями, я заметил, что у них какой-то странный цвет – то ли темно-сиреневый, то ли карий с синим неоновым подцветом.

– Иди, Вэл. Еще увидимся.

Меня мгновенно выкинуло из симуляции. Я резко снял с виска накладку виртуальной реальности и вскочил, будто ужаленный скорпионом. Не понимая, что произошло, я начал озираться по сторонам: темный зал с рядами полулежачих кресел, на большей части из которых находились люди, в основном – молодые ребята, не способные купить личную VR-установку[2 - VR – virtual reality – виртуальная реальность (англ.)]. Еще не придя в себя, я закричал:

– Майлз! Майлз, мать твою, ты где?

Я заметил движение на некоторых креслах около себя, оно постепенно расходилось все дальше, будто круги на воде. Люди нехотя открывали глаза и приподнимались, недовольные резким завершением Терапии. Хотя, как я догадывался, лишь часть из них проводила время за стандартной Терапией – медитировали в одиночестве в лесу около живописного ручья или общались с сеть-психологом в уединенном месте, которое придумали сами; другая же часть с головой погружалась в пучину Содома и Гоморры, что было так по-человечески естественно, однако, порицаемо обществом.

– Вэл, ты спятил? – донесся голос Кира с соседнего кресла. Он смотрел на меня непонимающе: здесь не было принято кричать, Зал Терапии – место уединения, релаксации, люди приходят сюда за спокойствием, которое не могут обрести в реальной жизни.

– Прости, – я небрежно потрепал друга по плечу и начал аккуратно пробираться к передним рядам, где обычно находился Майлз. Я видел, как люди провожали меня осуждающими взглядами и надевали обратно VR-накладки, погружаясь каждый в свой виртмир[3 - Виртмир – виртуальный мир]. Я дошел до кресла, где лежал Майлз, директор этой «временной богадельни». Я был растерян и зол, и все же, не знал, что ему сказать. Накладка создавала почти неразличимое зеркальное сияние вокруг головы Майлза: странный артефакт, доставшийся в наследство от прошлых поколений, когда лишь избранные имели постоянный доступ к ИНС[4 - Искусственная нейронная сеть. Далее – ИНС или Сеть] и виртуальной реальности, отключаясь от происходящего и ставя окружающих в тупик; сейчас же никого не удивлял секундный «уход в себя» даже во время оживленной беседы. Я наклонился, чтобы не будить остальных.

– Майлз, – прошептал я. Его лицо было спокойным и молодым, впрочем, как у большинства. Он был альбиносом, что совсем не делало его вид неприятным или пугающим; даже его красноватые глаза казались мне скорее загадочными, чем странными. Я перевел взгляд на сияние и увидел свое искаженное сферическое отражение – в этой сфере мои каштановые волосы затянулись в какой-то слишком высокий узел, а зеленые глаза неестественно расползлись по смешно-округлившемуся лицу. «Чиполлино» – всплыло в памяти забытое слово, кажется, из детской книжки. – Майлз, проснись.

Мне не хотелось нажимать Reset[5 - От англ. Reset – сброс, перезагрузка] на его установке, но и будить окружающих очередным громким возгласом было довольно постыдно. Поэтому я осторожно потрепал Майлза за руку, отчего он заерзал в кресле и открыл глаза.

– Вэл? Что случилось? – он снял накладку и бережно положил ее в соответствующее углубление на установке.

– Можно тебя в... – я показал на его коморку, которая была не то кабинетом, не то мастерской, но выглядела, скорее, как кабина древнего космолана с кучей аппаратуры, нежели обычный офис директора.

– А ты не мог добавить меня в диалог? – недоуменно поинтересовался он, прищурив красноватые глаза.

Конечно. Логично. Но что-то выбросило меня из виртуальной реальности, и я совершенно опешил и не догадался, что можно надеть VR-накладку обратно и вызвать Майлза в диалог. Вместо этого я совершил акт вандализма по отношению к другим присутствующим, разбудив многих своими животными воплями. На миг мне стало стыдно.

Майлз, покачивая головой, бесшумно поднялся с кресла и грациозно пошел в сторону своего офиса, я проследовал за ним. Вообще, он был весьма утонченной персоной, что наводило на мысли о его сексуальной ориентации, но никто никогда не видел его ни с мужчиной, ни с женщиной, а спрашивать об этом в нашем обществе было вульгарно и грубо – личная жизнь не касалась никого. Зато как директор Зала Терапии он был великолепен. Майлз всегда был в доступе: пока другие находились на Терапии, он следил за происходящим, любое изменение параметров посетителей сверх нормы – пульс, давление,

частота дыхания, температура – и он запускал автономную диагностику подозрительной VR-установки. Скорее всего, ему были известны сюжеты каждой установки в конкретный момент, но он никогда не давал усомниться в приватности и конфиденциальности Терапии.

Закрыв дверь, Майлз указал на единственное кресло в его офисе. Я отказался, и мы остались стоять друг против друга.

– В моей Терапии появился человек, – сбивчиво начал я. – Девочка. Она разговаривала со мной.

– Значит, ты задал параметры, чтобы там появилась девочка, – он снисходительно склонил голову и посмотрел исподлобья.

– Ничего подобного! – запротестовал я. – Я всегда провожу Терапию в одиночестве, я не вводил ничего нового, поставил стандартную программу.

– Случайно набрал не тот код? – не успокаивался Майлз.

– Исключено! Она... Она... – я почувствовал, что горю изнутри. – Она меня выбила из Терапии. Я не отключался силой воли.

– Вэл, что ты говоришь? Такого не может быть, – Майлз улыбался и смотрел на меня, как на сумасшедшего.

Я лишь развел руками. Я тоже никогда ни о чем подобном не слышал, и мои слова, действительно, могли показаться бредом. Но так оно и было – девочка, образ из виртуальной реальности, взяла надо мной контроль – над моим сознанием, над моим физическим телом.

– Хорошо. Ты даешь апрув[6 - От англ. Approve – подтверждать] на мой доступ в твою Терапию? – согласился Майлз, даже не убрав свою дурацкую усмешку с губ.

Я безнадежно кивнул. Майлз сел в свое кресло и начал что-то вводить на невидимой мне виртуальной клавиатуре. Затем он перевел некоторые физические тумблеры на приборах в другое положение и указал мне на терминал распознавания. Три касания: первое – распознавание личности, второе

– апрув на доступ, третье – финальное подтверждение.

– Возьми в слоте VR-накладку, – он, не глядя, показал направление, а сам продолжал что-то печатать, пропадая в Сети.

Я огляделся, ища накладку: комната была напичкана самой современной аппаратурой – интеллектуальное управление, подключение к ИНС – но была стилизована под старинные машины: покрашенный серым металл, древние тумблеры-палочки и черные переключатели. Никакой стерильности, белизны, округлости, распространенной в мире техники, наоборот – угловатость, грубость и брутальность. Все окружение так контрастировало с образом Майлза, утонченного альбиноса, что приводило меня в недоумение, но также в странный знакомый с детства восторг.

Я нашел в слоте под стеклом три VR-накладки, взял одну и хотел передать такую же Майлзу, но заметил, что он уже прикрепил к виску свою накладку, золотую с гравировкой. (Гравировкой! Мать Божья, я видел такое только на отцовском антиквариате, который он собирал всю жизнь!)

А дальше случилось совсем дикое: Майлз развернулся на кресле и сильно ударил кулаком по стене. Небольшая скамья показалась в углублении съехавшей вниз панели.

– Доставай и садись, я сейчас загружаю, – он проигнорировал мой ошеломленный взгляд: представить, чтобы Майлз выбрал именно такой способ открывания – не интеллектуальная кнопка в Сети, не даже физическая кнопка – было совсем немыслимо! Спустя столько лет Майлз открывался для меня по-новому.

Я сделал, как было велено, надел накладку и в ту же секунду провалился в сегодняшнюю Терапию. Неестественное чувство – видеть себя одновременно изнутри и извне. Майлз ускорил все в 1.75, отчего мое физическое тело начало подташнивать от мельтешащих огней, быстрого танца неоновой рекламы и резкой смены собственных мыслей: я не продумывал их заново, но помнил каждую из них, а теперь словно воспроизводил на периферии сознания каждую со скоростью 1.75 от обычной. В то же время я видел себя сидящим на крыше небоскреба. Ветер был такой сильный (я даже не помнил, что был такой ветер), что развеивал собранные в хвост волосы. Я видел, как ненадолго закрыл глаза,

потом открыл и резко выдохнул. Дальше моя рука начала слишком быстро набирать слова в воздухе – записываю эмоции. И вот оно! Я резко оборачиваюсь и... сзади никого нет! Я почувствовал, как Майлз снизил скорость до обычной, сменил фокус и приблизил картинку, меня опять начало сильно мутить, но силой воли я остался в симуляции. Вот я произношу слова: «Я не собираюсь перед тобой отчитываться, ты сама-то что здесь делаешь?», но они никому не адресованы.

Мы просмотрели весь мой монолог и вышли из Терапии. Майлз снова чересчур аккуратно снял свою золотую VR-накладку и положил ее в незаметное углубление на столе. Мы оба сохраняли молчание. Я чувствовал взгляд Майлза на себе, но не мог посмотреть на него в ответ, тупо уставившись в старинную приборную панель. Спустя минуту молчания я кивнул сам себе, спокойно вернул накладку на место под стеклом, где ее ждали две «близняшки», поднялся и, не говоря ни слова, вышел. Пока я шел через темный зал к выходу, перед глазами всплыло сообщение от Майлза: «Думаю, тебе нужно поговорить с сеть-психологом, я назначил допсеанс на завтра в 20:00. За мой счет».

«Вот уж спасибо», – со злостью подумал я, смахнул сообщение и вышел в прохладу ночного города.

Глава 2. Антиквариат

Маглев[7 - Поезд на магнитной подушке (от англ. magnetic levitation – магнитная левитация)] донес меня до дома минут за двадцать. Я никак не мог выбросить из головы случившееся. Мелькающие за стеклом огни полуспящих домов снова и снова возвращали меня в виртмир, где я, по мнению Майлза, начал сходить с ума. Лишь резкий перепад высот на выезде из центра, когда эстакада маглева переходила в один уровень с обычной дорогой, вернул меня в реальность. Спальные районы строились таким образом, чтобы ограничить движение автомобилей и другого наземного транспорта, оставив приоритет исключительно для поездов на магнитной подушке. Автомобили стали средством передвижения для богатых, запредельный транспортный налог и баснословная стоимость личных авто отсекали желающих поездить с люксовым комфортом в гордом одиночестве. Поэтому линии маглева, словно паучьи лапы, расползались из центра к самым удаленным районам города, разветвляясь и

множась, образуя новых «паучат» вокруг крупных жилых массивов. Города стали сливаться, когда расстояние, казавшееся раньше огромным, можно было преодолеть за 1-2 часа в сверхскоростном обтекаемом поезде.

Я зашел домой, где меня встретил привычный беспорядок. Пожалуй, я намерено оставлял свой мир таким хаотичным, избегая покупки клининг-бота[8 - Робот для уборки. Бот – здесь и далее сокращение от «робот»]: в этом месте не могло, точнее, не должно быть иначе. Квартира на восемнадцатом этаже с видом на точно такой же дом досталась мне в наследство от отца. Здесь практически все сохранилось, каким было при нем: герметичные шкафы, заставленные антикварными вещами начала и середины XXI века, старинное пианино с облупившейся краской и массивные картины на стенах. Зашедший в мой дом непременно удивился бы подобному интерьеру, обозвав его безвкусицей и дешевым китчем. Но истинная стоимость всего отцовского антиквариата оставалась покрытой мраком неизвестности, да я не собирался, во-первых, продавать дорогие сердцу вещи, а во-вторых, приглашать в свой дом кого бы то ни было. Правда, иногда я, действительно, сожалел, что отказался от клининг-бота: нанес бесцветной краской код на каждую вещь – и робот растащил их в соответствующий коду «дом», одежду – в конкретный шкаф, посуду – в мойку или на кухонный стол. Удивительно удобно! Но я слишком переживал за неаккуратность бота: как бы не повредил старинные хрупкие вещицы, хотя, конечно, каждый код можно было настроить по степени взаимодействия «вещь-бот».

Я повесил плащ на вешалку и прошел задернуть шторы. Самые обычные, тканевые, которые приходилось периодически отдавать в химчистку! Не смарт-остекление, не даже автоматические противопожарные антивандальные шторы с интеллектуальным управлением, совсем нет: квартира требовала от меня соответствующих ее характеру решений. За окном было совсем темно, глубокая ночь погасила свет в квартирах соседних высоток. С увеличением скорости распространения мегаполиса во все стороны снижалась и этажность новых построек. Мой дом находился на среднем уровне этажности, хотя я мечтал когда-нибудь обзавестись квартирой в менее высоком доме, пусть и дальше от центра. Мама с отчимом три года назад купили собственный небольшой домик и уговорили Лизу с семьей перебраться поближе к ним, тем более, ездить в центр у них не было необходимости. Из родительского дома открывался вид на крошечный лесок, а в паре километров протекала ледяная живописная река. Для меня это было неземной сказкой, в которой я бы хотел оказаться насовсем. Но всему свое время, отдаленное жилье в мало застроенных зеленых районах существенно повредило бы моей набирающей оборот карriere. О которой я в эту

ночь будто бы забыл, вернувшись домой глубоко за полночь в уже наступивший понедельник.

Я с укором в свой адрес бросил взгляд на старинные механические часы, которые показывали 2:18 ночи. Вздыхнув, я отправился в душ, осознавая, что без таблетки сегодня не обойтись. Ванная комната и кухня – два пространства, которые претерпели существенные изменения. Поскольку я почти не готовил, в отличие от мамы, когда она жила здесь с отцом, я сильно уменьшил площадь кухни, оставив место только под холодильник и небольшой кухонный шкаф для посуды, крошечной посудомойки и микроволновой мультиварки, столом мне служил широкий подоконник. Зато площадь ванной комнаты увеличилась вдвое, и я, наконец-то, смог организовать свой тропический рай: огромный душ, подключенный к VR-установке.

После покупки собственной установки я не раз задавался вопросом: почему я каждый день езжу в центр в Зал Терапии? Ответ пришел не сразу, я десятки раз садился в домашнее кресло и устанавливал программу своей стандартной Терапии, но постоянно спустя несколько секунд выходил из виртмира. Нет, мой дом, точнее, дом моего отца, не должен был видеть картинку, в которой Марта лежит на асфальте в луже темно-багровой крови, центр города – вот место, которое забрало ее, там пусть и остается этот образ.

Я разделся, плотно закрыл дверь ванной комнаты, свайпнул[9 - От англ. Swipe – проводить не отрывая, в частности, пальцем] виртуальную клавиатуру и ввел код программы по памяти. Будучи уже довольно сонным, я установил таймер всего на 7 минут и надел VR-накладку. Я погрузился в мир тропиков; стоя под водопадом, я чувствовал, как упругие струи с силой врезаются в уставшее тело, а знойный влажный ночной воздух наполняет легкие. Мне доставляло настоящее удовольствие всматриваться вдаль, сквозь густые заросли пальмовой рощи, тонущей в темноте. Вдалеке горели костры небольшой деревушки, а в мерный шум водопада вкрадывались резкие звуки неизвестных мне ночных птиц и диких животных, вышедших на охоту. Я нажал на кнопку деспенсера, который замаскировался под небольшой выступ скалы и выдавил немного пены: она пахла кокосом и немного цитрусом. Я крепко зажмурил глаза, чтобы смыть мыло с волос, а когда открыл, что-то показалось мне странным: не то, чтобы я заметил какое-то движение, скорее было чье-то незримое присутствие. Я оглянулся и вышел из-под струй водопада: ночь была непроглядной, и ничего не удавалось рассмотреть кроме ближайших деревьев и далекого огонька, а менять программу на дневные тропики совершенно не хотелось. Я снял накладку, в

правом верхнем углу поля зрения высветилось «4 минуты до окончания сеанса, вы уверены, что хотите закончить раньше?» Начался отсчет из 10 секунд, когда я мог либо вернуть VR-накладку обратно на висок, либо переключиться на более скудное качество виртмира, управляемого системой WE[10 - Здесь и далее: от англ. Wise Eye – мудрое око. Система, включающая контактные линзы и контроллер, подключенный к ИНС. Контроллер, как правило, замаскирован под съемную деталь экстерьера – очки, серьги, броши, кольца и др. (прим. автора)].

Я вышел из симуляции и дотянулся до полотенца. Ванная комната еще была наполнена влажным теплым паром и едва уловимым запахом кокоса, которые стремительно уносились в стенные прорези воздухоочистителя. Я протер рукой запотевшее зеркало и приблизил к нему лицо: глаза прорезала крупная сетка кровеносных сосудов, видимо, напряжение сегодняшнего дня не прошло незаметно для моего организма; я печально выдохнул, отчего зеркало снова покрылось белой полупрозрачной пеленой. Вернувшись в спальню, я плюхнулся на кровать и потянулся к тумбочке за таблетками. Белая упаковка, совсем непримечательная, и только мне и Киру было известно, что там – легкий наркотик, способный подарить приятную эйфорию, а заодно чувство полного спокойствия и релаксации; восстанавливающий тело и разум за считанные часы. Во время особо напряженных проектов я заходил к Киру за этими таблетками по два раза в неделю, а откуда он их брал – меня не беспокоило. «Нелекарственный растительный препарат. Не подлежит сертификации» гласила надпись на коробке, на ладонь упало два белых шарика размером с бисер, которые я мигом проглотил. Я лег и достал из уха серебряную серьгу системы WE, которая соединяла меня с Сетью 24/7, перед глазами поплыли технические символы, после чего появилась долгожданная надпись: «Вы подтверждаете отключение Wise Eye?» Я нажал «Да» и стал оффлайн для всех в мире.

В шесть утра завибрировал «будильник». К счастью, я не смог привыкнуть к пронзительному сигналу отцовского пузатого будильника, похожего на маленький доисторический батискаф, поэтому полностью доверился современной технике – незаметный датчик в изголовье кровати начинал с легкой вибрации около головы, настойчиво продолжая будить легким покалыванием вдоль всего тела. Я открыл глаза и сладко потянулся – я был отдохнувшим и выспавшимся. День обещал быть интересным: новый проект и долгожданная встреча с Софи.

По дороге на работу я поймал себя на мысли, что почти не переживаю о случившемся в Зале Терапии и в своем душе, в голове остались лишь слабые

отголоски прожитых эмоций, пожалуй, виной тому были таблетки. Я подумал, что оно и к лучшему – незачем заморачиваться по пустякам, когда впереди важный день. Я вышел из маглева и настроил навигацию с голосовым помощником: клиент, куда я направлялся, забрался в какую-то непролазную глушь. Хотя головной офис располагался в центре, Софи предпочла для первой встречи производственные мощности. Все должно было пройти по стандарту: небольшое совещание в VR-диалоге с руководством клиента и краткая экскурсия. А дальше каждый член команды «разбредался» по своим рабочим делам. За неделю нам предстояло провести комплексный аудит компании – от стандартной проверки финансовой отчетности, на которую тратился от силы день, до тестирования отдельных сотрудников на «полиграфе». Сегодня мне, в частности, предстояло запустить систему сверок. У Софи, как у тимлида[11 - От англ. Team Leader – руководитель команды], была более ответственная работа, она вычленяла слабые места в коммуникационной цепочке, выискивала сотрудников (если требовалось) для процедуры пси-сканирования. Наша компания разработала инновационную систему, похожую по принципу на древний полиграф. Было ли это законно? Да, если топ-менеджмент платил, а сотрудник соглашался на пси-скан. «Полная прозрачность – залог эффективности» – принцип, к которому стремилась каждая современная компания. Однако в красивой фразе дьявол прятался в деталях, и на деле ее можно было перефразировать: «Не вызывай подозрений, чтобы не оказаться виновным».

Когда я добрался до нужного места, Софи уже ждала на крыльце и курила. Она издали подмигнула мне, выпустив из электронного мундштука подобие смайлика. Все-таки вредные привычки были неискоренимы из любого общества, хоть и приобрели в наше время псевдо-безопасный статус и интересный дизайн для воплощения, как, например, дым интеллектуально заданной формы.

– Привет, давно ждешь? – поинтересовался я. Ее милая улыбка всегда сбивала меня с толку, даже когда она ругала сотрудников, да и частенько мне прилетало по неопытности, ямочки на ее щеках словно говорили: «Слушай, я не в серьез, просто мне надо тебя пожурить, я же тимлид!»

– Нет, – коротко ответила она. Я знал, что она нервничает перед встречей с руководством, хоть и не показывает этого. – Быстро нашел место?

– Ну, они и забрались! – я сделал недовольную гримасу, хотя мне было в кайф немного прогуляться по окраинам, такой случай редко выпадал.

Софи снова очаровательно улыбнулась. Из небольшого белого здания КПП[12 - Сокращение от «Контрольно-пропускной пункт»] показались Том с Аланой и замахали нам, закидав командный диалог кучей смайликов и сердечек – первогодки, что с них взять. Я недовольно вздохнул, а Софи быстро пробежалась по виртуальной клавиатуре, отвечая очередной порцией приветственных смайлов. Я незаметным жестом смахнул эту детскую вакханалию с глаз долой.

После тщательной процедуры проверки, мы поднялись в зал переговоров, где на большом круглом столе лежали четыре VR-накладки с символикой фирмы-клиента: красивым шрифтом, стилизованным под арабскую вязь, были начертаны три буквы – «VMT». Еще на этапе проверки мы подключили собственные системы WE к местной корпоративной ИНС, поэтому за каждым нашим шагом наблюдал отдел службы безопасности. Мы дружно уселись в комфортные белоснежные кресла и надели накладки.

«Вас приветствует группа компаний VMT, лидер рынка медицинских технологий, – говорила приятная девушка в белом халате. – Пожалуйста, ознакомьтесь с участниками диалога и повесткой». Перед глазами слева рассыпались небольшие голограммы представителей топ-менеджмента и ключевые сотрудники с именами и должностями. Они располагались в иерархической структуре, равно как и наши голограммы справа: три независимые аудиторские команды, вовлеченные в проект. Я отображался сразу под улыбающимся личиком Софи: на голограмме она выглядела слишком по-деловому, даже надела очки, почему-то она всегда переживала, что ее не воспринимают всерьез. Я же, как обычно, казался самым возрастным из-за темной короткой бороды и длинных волнистых волос, привычно собранных в хвост на макушке. Я обожал свой стиль, хоть он и выделялся нарочитой небрежностью на фоне остальных идеально-прилизанных вечно молодых мужчин и женщин. Далее на экране появлялись пункты из повестки встречи, от которых поочередно расходились тонкие золотые линии к ответственным сотрудникам, а девушка из приветственной заставки нежно мурлыкала шаблонное: «Вы всегда можете вернуться к данному экрану, нажав на виртуальную «i» слева».

Встреча носила довольно формальный ознакомительный характер и проходила в штатном режиме. Когда в диалог вступила Софи, я заметил ее обычные слабозаметные движения пальцами, мне уже были знакомы некоторые ее кодовые жесты: так она отмечала про себя, на что стоит обратить внимание при общении с конкретными ответственными лицами; позже она воспроизведет этот

VR-диалог и сделает для себя отдельные пометки. В беседе с директором по производству, Софи трижды постучала большим пальцем по безмянному, что означало – надо копнуть глубже. Чутье ее не подвело в необходимости начать проверку именно с завода.

После совещания мы отправились на производство, где, впрочем, не было ничего необычного – белоснежная техника, работающая по сложнейшим алгоритмам нейросети, небольшие застекленные вакуумные конвейеры с аккуратными рядами одинаковых микроскопических деталей, которые, возможно, было рассмотреть только при зуммировании[13 - От англ. Zoom – увеличивать] линзы моей системы WE. Эти детали впоследствии станут частями проводников нервных импульсов, возвращая к полной дееспособности людей с неврологическими расстройствами. Прекрасно было видеть сейчас собственными глазами и осознавать, что общество неизбежно справлялось с любыми болезнями прошлых поколений. Нейрогенетики вычищали любые изъяны в будущих поколениях, а такие компании, как VMT, помогали нашим матерям и бабушкам жить полноценной жизнью многие годы.

Экскурсию проводила та же виртуальная миловидная девушка из приветственной заставки, она, кажется, назвала себя Эммой. Несмотря на инновационность и прекрасную презентацию продукции, осмотр производственных мощностей был обыденным: каждый завод, на котором мне довелось побывать с аудитом, выглядел практически одинаково: сплошные блеск, лоск, белизна и редкие сотрудники в форме, скроенной исключительно под их фигуру. Однако в нашей компании ходили легенды, рассказанные теми, кто побывал на старинных производственных мощностях глубоко в Сибири – раскаленный до красноты металл выливался из огромных железных корыт в больше резервуары, темные бесконечные коридоры заводских складов, уставшие рабочие, с головы до ног покрытые сажей и копотью. Да, такие компании еще оставались в отдаленных уголках мира, но тотальная автоматизация, роботизация и алгоритмизация процессов сводили практически к нулю возможность поработать в подобных местах.

После того, как мы рассмотрели готовую продукцию в физическом исполнении и виртуально во всех проекциях, Эмма «разделилась» и проводила каждого члена нашей команды до его офиса. Меня, как и полагалось, она провела в огромную серверную комнату. Я знал, что за мной ведется ежесекундная слежка, я почти физически ощущал присутствие кого-то третьего, не считая меня и виртуальной девушки, оставшейся, словно реальный охранник, за стеклянной бронированной

дверью. Я разложил на столе свои нейронные процессоры и чипы, которые уже были проверены в начале дня на безопасность, и готовился к запуску сверок. С внедрением практически во всех странах единой системы автономного бухучета PASSUS[14 - От лат. Passus – шаг, в данном контексте – аббревиатура от англ. Professional Accounting Standards and Stand-alone Unified System – профессиональные стандарты бухгалтерского учета и автономная единая система (прим. автора)], из-за которой, к слову, разгорелось несколько крупных вооруженных конфликтов за последние пятьдесят лет, сверки финансовой отчетности с первичными данными учета стали почти формальностью, проводимой за считанные часы нейросетью. В мои обязанности входило написание кода для нейросети в зависимости от уровня существенности[15 - Уровень существенности в аудите – это предельно допустимый уровень ошибки в бухгалтерской отчетности. Превышение данного уровня может с высокой долей привести к тому, что на основании данной отчетности нельзя будет делать правильные выводы и принимать соответствующие ситуации экономические решения. (Источник: Современный предприниматель. Режим доступа: <https://spmag.ru>)], непосредственного запуска сверки на клиенте[16 - «На клиенте» – жаргонизм в аудиторской профессиональной сфере], анализ и предоставление полученных результатов, проведение дополнительных сверок при необходимости. Одно было неоспоримо: ошибки могли совершать только люди, поэтому мы проверяли, в основном такие «тонкие» места. Я – в системах, Софи с командой – в непосредственном живом общении. Людей проверяют люди, для остального существовала нейросеть.

Вообще, PASSUS – гениальнейшее изобретение конца XXI века, так символично названное в переводе с латинского «Шаг», позволило шагнуть в новый век с прозрачной саморегулируемой системой бухучета. Самые передовые развитые страны начали использовать систему PASSUS практически сразу после ее разработки и тестирования на выборке компаний из разных отраслей мирового бизнеса. В развитых странах «второго эшелона» решение о внедрении системы было продиктовано «снизу» гражданскими инициативами и протестными акциями, направленными на искоренение или хотя бы существенное снижение уровня коррупции. А вот некоторые развивающиеся страны, в особенности беднейшие из них, показали, что без войны не сдадутся. Тем не менее, система PASSUS побеждала практически всегда. Как ни парадоксально, самым эффективным решением для увеличения точности и прозрачности бухучета стало полное исключение человеческого фактора из цепочки: нет места для подлога или банальной ошибки, когда учет ведет «бездушная машина», разработанная управлением по международным стандартам.

Пока я просматривал первые полученные данные, которые, в принципе, были безукоризненными – по каждой строке значилась приятная надпись «diff[17 - От англ. Difference – разница] = 0», мысли понеслись по реке сожалений о прошлом. Я начинал учиться на налогового инспектора, мечтал пойти по стопам отца, но трагедия с Мартой выбила меня на несколько лет из обоймы, а отметка в личном деле о психиатрическом учете окончательно поставила крест на потенциальной карьере в госструктурах. После лечения и восстановления, я выбрал новую для себя специальность – программирование в коммерческой сфере, а оттуда по счастливой случайности попал в аудит. Мои невеселые мысли прервал резкий стук в дверь, я вздрогнул и молниеносно развернулся: Софи стояла за стеклом прямо посреди проекции Эммы и улыбалась во все зубы. Я дотронулся до терминала распознавания, и дверь скользнула в стену.

– Мне надо тебе кое-кого показать! – заявила Софи с порога и шагнула в серверную комнату.

– Это настолько важно, что ты пришла сама? – я удивился, почему Софи не вызвала меня в командном диалоге или, на крайний случай, в личном.

– Пошли, – она потянула меня за рукав.

– Эй! – я попытался остановить ее. – Я, вообще-то, работаю.

Софи склонила голову на бок, сменив радостную улыбку на скептическую, затем сняла свою брошь в виде пчелы и прикоснулась к моей серьге – теперь ей стал доступен мой виртуальный монитор.

– Еще 74% до окончания сверки, я тебя совсем не отвлеку, – она подмигнула, отметив мой недовольный вид, и потянула меня снова.

– Это незаконно, – начал протестовать я. Я, действительно, разозлился! Конечно, как тимлид, она имела право посмотреть на мой монитор, но для этого всегда (подчеркиваю, ВСЕГДА!) нужно спрашивать разрешение. Это же элементарная этика!

И все-таки я, как послушный теленок, проследовал за Софи, залочив[18 - От англ. To lock – запереть, закрыть] за собой дверь в серверную. Мы поднялись на второй этаж по величественной мраморной лестнице и прошли по широкому

коридору до самого конца в безымянный кабинет. За столом напротив входа сидел пожилой мужчина в толстых очках, одетый в белый халат. Когда мы вошли, он неспешно поднялся и протянул мне руку.

– Валентин Олегович, – представился он.

Я подал ему руку и замялся: «Олегович», отчество, сколько лет я не слышал представление с отчеством. Пожалуй, только в школах осталась традиция называть учителей по имени-отчеству, да и то в младших классах.

– Валентин Олегович, это – Вэл, он наш специалист по аудиту программ, – учтиво подхватила Софи. – Он будет работать с вами.

Я непонимающе взглянул на Софи: работать с людьми – ее задача, я работал с системой PASSUS или, как она сама обобщила, с программами, то есть с компьютерами, серверами и прочим оборудованием.

– О, – начал старичок. – Софи вам не рассказала, молодой человек?

– Расскажите вы сами, Валентин Олегович, – подбодрила она его, делая слишком милый вид.

– Я тоже своего рода компьютер, – бескомпромиссно заявил он. Старческие пятна на его лице переместились вслед за улыбкой. Первое, на чем я поймал себя: «Он никогда не делал бета-омоложение, с ума сойти». Альфа-омоложение – задача генных инженеров: люди сегодня рождаются без мутации в генах, отвечающих за физическое проявление старения; вторичное омоложение или бета-омоложение – процедура для прошлых не генномодифицированных поколений людей, постепенно останавливающая процессы старения, хоть и не оборачивающая их вспять. Девяносто процентов людей планеты выглядят молодыми несмотря на порой приличный возраст. Старых на вид людей, действительно, старых – с глубокими морщинами, пигментными пятнами и полностью седой головой – я не встречал прежде.

– Как это? – я вышел из секундного ступора и сглотнул.

– Вэл, он чипированный! – восторженно воскликнула Софи. От этих слов старичок совсем растянулся в блаженной улыбке. Передо мной стоял самый настоящий антиквариат!

Глава 3. История

Чипированием начали заниматься на заре развития нейросетей и нанокomпьютеров. Первоначальная цель была максимально благой – улучшить и облегчить жизнь людям с инвалидностью, например, по слуху или зрению. Когда технологии успешно прижились к середине XXI века, появились авантюристы, которые вживляли чипы всем, кому ни лень, предлагая каждому стать киборгом. А потом случился день хард резета[19 - От англ. Hard reset – принудительная перезагрузка, аппаратный сброс], когда миллионы людей с чипами в один миг потеряли память, вернулись, так сказать, к заводским настройкам. «Потерянное поколение», «поколение ноль», «пустышки» – эти люди уже не были приняты обществом. Конечно, на госсубсидии и деньги частных инвесторов были созданы специальные интернаты для воспитания и обучения, но, как правило, такие люди доживали жизнь, так и не достигнув уровня развития десятилетних детей: их практически невозможно было обучить.

На смену чипизации пришла эра генной инженерии: люди рождались практически идеальными, очищенными от недостатков. Что не удавалось вылечить заменой на искусственно выращенный орган или, в более серьезных случаях, нейронным проводником, частично восполняла система Wise Eye. Но люди усвоили урок: система Wise Eye не была вживлена в мозг, как чипы, и всегда была возможность отключить ее. Существовали даже целые группы людей, не принимающих систему WE. Со стороны они выглядели, скорее, сектой, фанатиками, верящими во второй день хард резета, но кто знал, кто в итоге окажется прав.

Софи неожиданно для меня оставила нас с Валентином Олеговичем наедине. Не зная, что делать, для начала я уселся в кресло напротив добродушного на вид старичка. Пауза затягивалась, а я никак не мог собраться с мыслями, которые непослушным клубком раскатывались в разные стороны: «Так вот как бы выглядели мои волосы, если бы я мог постареть – кудрявый седой одуванчик». Валентин Олегович тоже блаженно молчал. Я прокашлялся и аккуратно, не

торопясь, вступил в диалог.

– Значит, вам был вживлен чип? – и тут же мысленно оборвал себя: «Идиот, это и так понятно!», но мой вопрос не смутил старичка.

– О, да, еще в пятьдесят пятом. Мы были молоды и смелы, знаете, сами полезли в пламя огненной геенны, ради интереса, – он странно и громко всхлипнул, не то засмеялся, не то икнул, я так и не понял. Но его триггер сработал – он сказал «в пятьдесят пятом», так и нарываясь на дальнейший расспрос.

– Но ведь день хард резета был в шестьдесят девятом? – мне даже не пришлось прибегать к подсказкам Сети, я хорошо помнил дату из уроков всеобщей истории.

– Верно, молодой человек, все верно, – он закивал головой и снова широко улыбнулся сухими губами. Это его «молодой человек» одновременно коробило слух и в то же время как нельзя лучше приходилось к месту, а точнее, к любой ситуации общения Валентина Олеговича с кем бы то ни было, даже если собеседник был физически старше его.

Я знал, что он ждет, что я полезу в Сеть искать, как такое возможно – нигде и никогда прежде я не слышал о тех, кто, будучи чипированным, удачно пережил день хард резета. Валентин Олегович даже вытянул морщинистую шею, чтобы проследить за движением моих пальцев по виртуальной клавиатуре. В обычной ситуации, я бы, естественно, обратился к Сети, но сейчас я так не сделал. Не уверен, победил ли мой вечный скептицизм, или мне передалась малая доля профессионализма Софи (она никогда при клиенте не обращалась к Сети, лишь оставляла маленькие пометки легким жестом большого пальца и, оставшись наедине с собой, искала ответы в Сети).

– Как же вам удалось пережить тот день? – упрямо спросил я. На миг мне показалось, что Валентин Олегович расстроился, вероятно, все прочие натыкались в Сети на статьи в духе «Обнуление памяти коснулось всех чипированных людей» и смотрели на него с восхищением и преклонением, словно находились перед живым божеством. Я же сухо попросил рассказать о фактах. «Противный аудитор», – наверное, так охарактеризовал он меня в тот короткий миг, когда улыбка растворялась с его лица.

– Кхм, – прокашлялся он, не рассчитывая на столь быструю паузу между его ответом и моим вопросом. – Нас было четверо, тех, кого не коснулось обнуление. Пятьдесят лет нас держали под грифом «Совершенно секретно», а когда этот статус пал, представляете, мало кому оказалось интересно расследовать детали.

«Он уходит от ответа или я что-то не понимаю?» – отметил я про себя. Именно поэтому я и не любил общаться с людьми: я плохо считывал их экивоки, лицемерные улыбки, фальшивые жесты. Странно, что я вообще прошел тест на вакансию аудитора, но я не собирался когда-либо становиться тимлидом с функционалом, как у Софи: будучи по натуре слишком доверчивыми, я бы не сумел отыскать ни одного кандидата на пси-сканирование. Я настойчиво молчал, своим видом давая понять, что хотел бы знать продолжение, и по-прежнему не планировал обращаться к Сети.

– Мы были летчиками-испытателями, в 67-69-х участвовали в тестовых запусках новых космoplanов типа Eagle[20 - От англ. Eagle – орел], – заговорил старичок, его негодование, кажется, улетучилось и сменилось ностальгическим взглядом в бездну прошлых лет. – Взлет, посадка, два дня на земле, снова взлет. Перегрузки колоссальные, организм был истощен. Но только мы могли отмечать неполадки и недостатки в системах – мы, я имею в виду, ребят с чипами. Нас подключали к бортовым компьютерам и в режиме реального времени исправляли параметры с Земли. Две команды летчиков, восемь человек.

Он ненадолго замолчал, я заметил, что в уголках его выцветших светлых глаз блеснули слезы. Валентин Олегович собрался с нахлынувшими эмоциями и продолжил.

– Стоял теплый апрель, начинался привычный плановый запуск с космодрома, кажется, десятый или одиннадцатый за месяц. Все были уставшие и молчаливые. Второй пилот скрупулезно проверял новые вводные, чтобы сообщить командиру плановую скорость и время нахождения в космосе. Я, как бортинженер, проверял системы по своему чек-листу, привычно бубнил себе под нос давно заученную последовательность. Капитан смиренно ждал открытия спутникового окна. Знаете, эти чертовы спутники заволокли все небо, – Валентин Олегович поник и покачал головой, что-то совсем старческое было в этом движении, словно бремя всей жизни в один миг навалилось на его плечи. – Они-то нас и спасли.

Он вдруг поднял на меня глаза, спокойные и мудрые. На самом деле, его история никак не относилась к моей работе, только отнимала время, но я уже не жалел, что начал расспрос. Сейчас мой скептицизм развеялся, я, действительно, находился под впечатлением и, словно ребенок перед сном, ожидал завершения «сказки».

– Мы вышли в термосферу, под нами осталась большая часть околоземных спутников, которые, как оказалось потом, как щит закрыли нас, спасли наши мозги. Когда мы вернулись, то, как обычно, сели в машину, но поехала она не на базу, а в противоположном направлении. Никто не давал нам ответов: куда мы едем, что происходит, если честно, мы были так измучены, что и выяснять до победного были просто не в силах. Нас встретили медики и провели в закрытую военную больницу, где уже ждало руководство. Там нам и рассказали, что произошло во всем мире, пока мы находились в полете.

– С ума сойти, – я только теперь заметил, что подался всем телом навстречу Валентину Олеговичу, сложив руки под подбородком. Я быстро выпрямился (как-то не по чину было сидеть так непредвзятому аудитору) и спросил. – Что случилось дальше? И как вы попали сюда.

– Что было дальше? Исследования, исследования и снова исследования. Мы вчетвером стали подопытными крысами, которым запрещалось что-либо говорить. Мы, наши друзья и родные подписали кучу документов о гостайне. Но меня тогда это мало беспокоило, моя невеста была в другой группе летчиков-испытателей нашей программы. И... – он не смог удержать дрогнувший голос. – Она находилась на земле, когда ЭТО случилось, понимаете.

Он достал платок из кармана белого халата и протер глаза, даже спустя пятьдесят лет история вызвала в нем такие же сильные эмоции. Он аккуратно сложил платок, давая себе еще пару секунд для восстановления спокойствия, затем убрал его обратно в карман и продолжил, уже не заходя на животрепещущую тему об «обнулившейся» невесте:

– О летной карьере можно было забыть, хотя мне было всего тридцать два года, а исследований было так много, что волею судеб я начал разбираться в хитросплетениях мозговой деятельности. Недолго думая, мы вместе с товарищем, вторым пилотом из моей команды, получили профильное образование по нейробиологии, – Валентин Олегович невесело усмехнулся. – Вполне вероятно, что ученые так проверяли нашу способность к обучению,

которая, как видите, ничуть не пострадала. Так вот, уже более сорока лет я тружусь здесь, в нашей славной компании.

Я кивнул, несмотря на крайне интересную и почти фантастическую историю, я не совсем понимал, почему, по мнению Софи, мне предстояло работать с Валентином Олеговичем: он много лет занимался в VMT научными исследованиями в сфере нейробиологии, нервной проводимости и прочем научном фарше из непонятных мне терминов. Следовало разобраться.

– Валентин Олегович, Софи сказала, что мне нужно с вами поработать, но я не совсем понимаю, каким образом, – честно признался я. – Моя задача – проведение сверок в системе PASSUS, но это касается исключительно бухгалтерской отчетности. Я же правильно понимаю, что вы не связаны с бухучетом?

– Вэл, я стоял у истоков этой компании. Не сочтите за излишнее хвастовство, но через мои мозги, – он постучал по виску, куда, вероятно, был вживлен чип, – прошли почти все этапы формирования VMT, хотя, без сомнений, сфера моих интересов – производство проводников.

«Да уж, более обобщенной и эгоцентричной фразы мне не доводилось слышать, даже политики говорят конкретнее», – подумал я и решил, что для знакомства информации я получил достаточно.

– Что ж, Валентин Олегович, я полагаю, что мне необходимо обсудить с командой наше дальнейшее взаимодействие, – я поднялся с кресла и протянул ему руку. – Благодарю вас за уделенное время и такой невероятный рассказ.

– Да, спасибо, спасибо, – он суетливо поднялся и, на удивление, крепко пожал мне руку.

Когда я вышел из кабинета, передо мной незамедлительно появилась виртуальная помощница Эмма, милым голосом прощепетавшая: «Куда вас проводить?» Я на миг задумался: «А куда мне, собственно, надо?» Конечно, логичнее было вернуться в серверную и собрать оборудование – я отметил, что осталось всего 2% до завершения сверок, процент выполнения всегда «висел» вверху моего виртуального монитора.

– Эмма, проводите меня к Софи, – вырвалось у меня прежде, чем я успел все хорошенько обдумать, но послушная Эмма уже развернулась и пошла по длинному белоснежному коридору. Она, как настоящая женщина, грациозно и даже соблазнительно спускалась по широкой лестнице, зачем-то касаясь перил – создавалось ощущение, что виртуальная голограмма, действительно, боится упасть, ведь ее платье было слишком узким, слишком... Я поймал себя только на моменте, когда взгляд уже поднимался к изгибу талии, изучив все, что было ниже. С прискорбием оставалось признать, что, во-первых, технологии стали абсолютно реалистичными, во-вторых, долгие годы отсутствия секса в моей жизни неукоснительно приближали меня к числу извращенцев из Зала Терапии.

Мы остановились около большой стеклянной двери, она была непрозрачной с внешней стороны.

– Через семь минут у Софи завершается встреча, – Эмма жестом указала на дверь. – Вы дождетесь ее здесь?

– Да, пожалуй, – я оглянулся, присесть было некуда, зато от пола до потолка вытягивалось узкое окно с видом на внутренний двор, где мне еще не довелось побывать.

– Возможно, желаете напитки? Вода, чай, кофе, сок? – учтиво поинтересовалась Эмма. Я понимал, что она запрограммирована быть вежливой и заинтересованной, но меня приводила в уныние подобная навязчивость.

– Нет, Эмма, благодарю. Я вызову, если будет нужна помощь, – какое-то неуловимое сожаление промелькнуло во мне, будто я мог обидеть ее, как живого человека. Я зачем-то виновато улыбнулся Эмме и молча отвернулся к окну.

За окном находился целый дендрарий с ажурной сеткой мощеных дорожек и небольшими белыми беседками, где сотрудники могли пообщаться, пообедать или просто отдохнуть. «Красивое место, живописное», – подумал я, вспомнив, что сам могу довольствоваться лишь тропическим виртмиром. Но здесь все было настоящим и таким ухоженным, сочно-зеленым, и сложно было поверить, что мы находимся в безжизненной промзоне. Я засмотрелся на какое-то неведомое мне растение с пепельно-зелеными огромными листьями с желтой каймой, оно возвышалось на небольшой горке в окружении крошечных пальм. Я

сфокусировал линзу системы WE, и над неизвестным растением появилась надпись «Агава сорт Маргината». Что-то знакомое было в названии, словно я уже слышал его когда-то; я знал, что, нажимая на виртуальную «i», получу талмуды ненужной информации, но заняться все равно пока было нечем: еще три минуты до окончания встречи Софи, при условии, что она не задержится. Пролистав список статей в Сети, я, наконец, уперся взглядом в то, что искал: «Текила получается путём дистилляции ферментированного сока голубой агавы». «Вот оно что, текила!» – неожиданно радостно воскликнул я, разумеется, про себя. В самые темные времена, в бытность моих запоев после самоубийства Марты, когда я вливал в себя тонны синтетической дряни, единственным ярким пятном были редкие возвращения в город Кира. Он вытягивал меня из совсем замусоренной и захламленной квартиры отца в город, где дарил часы дружеских разговоров и литры качественной выпивки. Текила, бренди, ром, граппа, он всегда ненавидел то синтетическое пойло, которое стало в ходу у вечно бедной молодежи и босяков нашего города. «Вэл, как это можно пить? Как ты, черт бы тебя побрал, это пьешь? – сокрушался он, заказывая мне очередной приличный напиток в приличном заведении. – Люди тысячелетиями создавали алкогольные шедевры, а какой-то химик-гондон за пару лет перечеркнул многовековую историю и культуру питья». Именно Кир рассказывал мне истории, связанные с алкогольными напитками, в те годы он был жутко увлечен этой темой, а постоянные командировки по разным уголкам мира давали возможность пробовать самые изысканные и дорогие сорта, я же довольствовался синтетом из ближайшего алко-маркета. Когда Кир делал ударение на «ты» в своей фразе «как ты это пьешь?», он давал понять, что мне не по рангу то, куда я опустился: наши семьи всегда были довольно богатыми, мой отчим и отец Кира работали на госслужбе. Они многие годы сохраняли теплую дружбу, в конечном итоге породнившись, когда Лиза вышла замуж за Стаса, младшего брата Кира. Теперь те времена остались только в моей памяти, моя семья старательно вычистила позорные воспоминания.

На периферии зрения замигала надпись «Сверка завершена», я глянул на часы – встреча Софи затягивалась. Я решил, что подожду ее здесь еще не больше пяти минут, а затем мне следовало вернуться в серверную, иначе местная служба безопасности могла счесть мое бездействие подозрительным. Рабочий день подходил к концу, и небольшая группа сотрудников прошла через внутренний дворик из одного производственного корпуса в другой. Я услышал за спиной, как стеклянная дверь практически беззвучно скользнула в стену, а спустя пару секунд на пороге кабинета показались два человека в аккуратных белых комбинезонах со знакомыми золотыми вензелями VMT на лацканах. Они молча кивнули мне, проходя мимо, и дежурно улыбнулись; конечно, их системы WE

определили, кто я такой. Я заглянул в кабинет, Софи сидела за круглым столом, полностью погруженная в виртуальный монитор, ее пальцы молниеносно носились по невидимой клавиатуре: скорость была такой, что не требовалась обычная конспирация Софи – она периодически меняла раскладку, чтобы никто не понял, что именно она печатала.

Я тихонько присел на стул напротив, ожидая, пока она закончит. Софи была без преувеличения прекрасной. Она была немного старше меня, но выглядела всегда очень молодо: круглое личико в обрамлении густого каштанового каре и чуть раскосые серые глаза, делающие ее похожей на кошку. «Когда я решусь тебя куда-нибудь пригласить?» – я грустно вздохнул, смотря прямо в отстраненные глаза, в зрачках которых мерцали огоньки виртуального монитора.

– Вэл! – вдруг воскликнула Софи. «Интересно, она закончила работать или мой тоскливый громкий вздох отвлек ее?» – пронеслось в голове.

– Я не хотел тебя отвлекать, – виновато признался я.

– Да брось, я почти закончила, – она махнула рукой, значит, все-таки именно я ее отвлек. – Ты чего пришел?

– Хотел поговорить с тобой про Валентина Олеговича.

– Ах! – ее глаза загорелись, словно она вспомнила что-то потрясающее, но кроме восторженного междометия она не сказала больше ничего, лишь широко улыбнулась и опустилась на мягкую спинку кресла.

– Почему ты решила, что он – моя зона ответственности? – начал я нерешительно, меня несколько смутило ее неожиданное воодушевление.

Софи вдруг мягко рассмеялась и прикрыла глаза рукой. Я все так же непонимающе смотрел на нее и ее реакцию.

– Вэл, твое лицо надо было видеть! – заявила она сквозь смех. – Ты так испугался, что тебе придется с ним работать.

Испугался? Едва ли мой вопросительный взгляд в момент новостей о том, что я буду работать со старичком-одуванчиком, можно было расценить как испуг. Я пожал плечами, не найдя, что ответить. Софи за секунду стала серьезной.

– Так, уже почти шесть. Надо собрать команду и обсудить план на завтра, – по какой-то непонятной мне причине Софи решила проигнорировать все, что я собирался обсудить. – У тебя уже все собрано? Ты свободен вечером?

– Нет, еще нет, – я так ждал ее, чтобы поговорить о том, что рассказал мне Валентин Олегович и что мне с ним делать, и сейчас был в полной растерянности от ее не относящихся к делу вопросов. – Вечером свободен.

Как только я сказал это, перед глазами автоматически открылся планировщик: напротив времени 20:00 красным горела надпись «Встреча с сеть-психологом. Организатор: Майлз Купер». «Вот черт! – выругался я про себя, я абсолютно забыл, что Майлз мне что-то назначил. – Отменю это дерьмо».

– Отлично, иди собирайся, – бескомпромиссно заявила Софи, давая понять, что ей нужно закончить работу.

Я вышел из кабинета, за стеклянной дверью уже ждала моя сегодняшняя виртуальная спутница Эмма с ее вечным приветливым вопросом: «Куда вас проводить?». «В серверную, пожалуйста», – я был даже рад, что не придется идти в гордом одиночестве, хотя, конечно, Эмма не была бы видна потенциальным встречным сотрудникам. Когда мы спускались в лифте, пришло сообщение от Софи: «Я потом все объясню».

– Хм, – задумчиво вырвалось у меня.

– Вы что-то хотели сказать? – учтиво повернула ко мне милое светлое личико Эмма.

– Нет-нет, ничего, – только и ответил я.

Я собрал свое оборудование, чипы, процессоры и попросил Эмму вывести меня к главному входу, что она послушно и сделала. На крыльце стояла Софи, беззаботно выпуская облака дыма в воздух.

– Пойдем? Я заказала такси, – произнесла Софи. «Ого, такси! Вот мы раскошелились. Хотя какая разница, все спишем на клиентские расходы», – промчалось в голове, а сам я невозмутимо спросил:

– Мыждемся Тома и Алану?

– Они нам сегодня не понадобятся, поговорим вдвоем.

Софи взяла меня под руку, и мы шагнули под накрапывающий дождь. Она предусмотрительно передала мне зонт, который я сразу раскрыл, но несколько капель дождя все же упало мне на лицо. Я на миг обернулся: Эммы на крыльце уже не было.

Глава 4. Ужин

В дороге Софи целенаправленно сводила разговор к общим темам: испортившаяся осенняя погода, планы на мой приближающийся отпуск и тому подобное. Она даже не ответила, куда мы направляемся. Лишь когда мы вошли в небольшое неприметное с дороги кафе в центре города, ее настрой кардинально поменялся.

– Как тебе его история? – восторженно спросила Софи.

– Эм, – я даже опешил от такой перемены в ее настроении. Я стоял рядом с ней, помогая снять немного промокшее кашемировое пальто. Ее волосы приятно скользнули по моей руке, что совсем выбило все логичные ответы из головы.

Пока я развешивал нашу верхнюю одежду, Софи прошла за маленький круглый стол неподалеку, давая мне время осмотреться и придумать, что сказать. Когда я подошел, она уже рассматривала виртуальное меню, я тоже нажал на появившуюся иконку ресторана. Список блюд был не слишком длинным, что меня, действительно, порадовало: больше всего я ненавижу выбирать что-то одно из десятка почти одинаковых салатов и разношерстных вторых блюд – как правило, мне или хотелось попробовать все, или сказать «мне то же самое», ведь моим обычным спутником был гурман Кир. Я быстро заказал свиные ребра и

бокал нефильтрованного пива незнакомой мне марки. По отстраненному взгляду Софи я понял, что она еще не сделала заказ. Я огляделся вокруг: кафе было крошечным, но довольно атмосферным – кожаные темные диваны тонули в полумраке неярких низких светильников с широкими абажурами над каждым столом, а рядом с барной стойкой располагался бильярдный стол – совсем непривычное зрелище, хотя мне довелось даже поиграть в эту старинную игру.

– Что это за место? – спросил я у Софи, когда в моем виртуальном мониторе появилась надпись «Заказ принят».

– Нравится? – она тоже огляделась, будто была здесь впервые. – Это кафе моего брата.

– Ого, здорово! Не знал, что у тебя есть брат, – как-то неловко ответил я. Софи лишь улыбнулась, отчего на ее щеках появились две кокетливые ямочки, а я, стараясь быть непринужденным, продолжил. – Тогда тебе должно быть хорошо известно здешнее меню.

– Я давно здесь не бывала, – она с досадой покачала головой. – Они часто меняют барную карту, хотелось сегодня выпить что-то особенного.

Я сдержался от соблазна посмотреть в наш заказ, что же такого «особенного» выбрала Софи. Куда интереснее было понять, почему именно «сегодня». Я перешел к начатой ею и заброшенной мною теме.

– Рассказ Валентина Олеговича похож на фантастику, – я посмотрел на Софи, она выглядела спокойной и расслабленной. Почему-то я спросил, – Ты ему веришь?

– А почему нет? – удивилась Софи. Не то, чтобы я хотел вывести ее из равновесия, я и сам не понял смысл своего вопроса. – Думаешь, есть основания не доверять его словам?

Я пожал плечами и откинулся на спинку дивана. Мы посидели в молчании несколько долгих секунд, изучая друг друга.

– Так почему ты сказала, чтобы я с ним поработал? – я оставил ее вопрос без ответа, возможно, нам обоим предстояло обдумать детальнее то, что мы сегодня услышали.

– Вэл, – Софи облокотилась на стол и приблизилась ко мне, в ее взгляде горел невероятный интерес. – Мы же никогда с таким не сталкивались. Чипированный! Ты только представь, сколько возможностей!

Я сделал озадаченный вид. Да, чипированных людей и мне не приходилось раньше встречать; да, история старичка была похожа на сценарий фантастического фильма, но он был просто сотрудником нашего клиента, даже не вовлеченным в бухучет – занимался своими обязанностями, жил своей старческой не омоложенной жизнью. Я, правда, не видел «возможностей», о которых говорила Софи. В ее взгляде было столько надежды, столько «ну же, Вэл, не тупи», что в какое-то мгновение мне стало стыдно, но все-таки я сдался и спросил:

– Софи, поясни мне, что я должен сделать.

– Он работает в VMT с основания, он знает все, – на этих словах она достала из сумочки и протянула мне крошечный нейронный чип. – Здесь его логи[21 - Файл регистрации (протокол, журнал, лог; англ. log) – файл с записями о событиях в хронологическом порядке, простейшее средство обеспечения журналирования (Источник: Википедия)]. Я запросила выборочно несколько дат из анализируемого нами периода. Он знает все, Вэл, он погружен во все сферы, он – и есть VMT.

Взгляд Софи горел огнем, граничащим, как мне показалось, с безумием, а я лишь по-идиотски хлопал глазами. Я взял чип с ее маленькой ладошки и покрутил в руках. То, что она говорила, не вмещалось в мое сознание, я хотел незамедлительно увидеть информацию на чипе. Я быстро достал свой органайзер и потянулся к слоту, но Софи аккуратно накрыла мою руку своей и шепнула: «Дома». Я смотрел на наши руки, ее пальцы были чуть прохладными и влажными, осознание этого простого жеста вернуло меня в реальность. Софи медленно отодвинула ладонь, а я послушно положил нейронный чип в отсек хранения и убрал органайзер во внутренний карман пиджака. Неосяземо мне стало понятным странное поведение Софи, но все же я шепотом спросил:

– Почему ты не хотела обсуждать это на заводе?

Софи облизала пересохшие губы и посмотрела куда-то вдаль сквозь меня, хотя я знал, что за моей спиной не было окна.

– Я... я восхищена, но я его боюсь, – так же шепотом ответила она мне и сделала попытку улыбнуться. Я недоуменно покачал головой. – Вэл, они подключились к нашим системам WE, когда мы там – они следят за...

– Угу, – ответил я, смущенный ее резким молчанием. Это и так было понятно, на каждом клиенте мы подключали наши системы WE к местным службам безопасности, но это была простая формальность: они не видели наши виртуальные мониторы и диалоги, не слышали наши физические разговоры. Мы для них – не более, чем геолокация и отклик системы на наши запросы. Поэтому я ответил, словно успокаивая Софи. – Но это стандартная процедура.

Софи закрыла лицо руками и глубоко вздохнула. Ее первоначальное воодушевление сменилось беспокойством, даже страхом, но я пока не понимал его причин. Она спокойно убрала ладони и закивала головой, соглашаясь с моим тезисом.

– Да, но нигде раньше не было ЕГО, – она пожала плечами, не зная, как объяснить свою позицию. – Вэл, когда ты дома посмотришь информацию, ты поймешь...

Бот тем временем подвез наш заказ, Софи отвлеклась на него, как мне показалось, с благодарностью и начала переносить тарелки и бокалы к нам на столик. Перед собой она поставила такую же тарелку свиных ребер, как и передо мной: выбор неочевидный для девушки, зато стопроцентно вкусный – отменная свинина из пробирки. А вот ее коктейль был, действительно, поражающим: в кокосовой скорлупе красовались длинная шпажка с набором диковинных ягод и кусочков фруктов. К Софи снова вернулось хорошее настроение, как только она взяла в руки свой импровизированный бокал. Я поднял кружку с пивом:

– За начало интересного проекта, – типичный тост для первого дня с новой командой на новом проекте. Непривычным было только то, что из нашей проектной команды ужинали мы вдвоем.

– За начало чего-то большего, чем интересный проект, – неожиданно дополнила Софи и взяла в пухлые губы тоненькую желтую трубочку. Она прикрыла глаза, делая глоток, после чего растянулась в блаженной улыбке и протянула. – М-м-м.

Мы на несколько минут погрузились в молчание, жадно поедая ребрышки, которые, к слову, были великолепны.

– Отличное место, невероятно вкусно, – констатировал я, откладывая последнюю обглоданную синтетическую косточку и потянувшись за салфеткой. Софи закивала, с аппетитом жуя большой кусок мяса. Холодное пиво как нельзя лучше дополняло ароматные сочные ребра. Но я не мог не спросить. – Как тебе твой коктейль?

– Хочешь попробовать? – вдруг предложила Софи и пододвинула ко мне бокал. Я робко взял кокосовую скорлупу, таких необычных на вид напитков мне не предлагал выпить даже Кир. Я сделал глоток через трубочку, и мои рецепторы, кажется, сошли с ума от обилия ощущений: горячий, почти обжигающий перечным жаром огонь разлился по языку и мгновенно сменился ледяной прохладой мяты и вкусом смолянистого эвкалипта. Я в нетерпении сделал еще один глоток, чтобы снова прочувствовать это буйство, но, на удивление, коктейль стал сладковато-пряным с отчетливыми кокосовыми нотками, хотя свежесть мяты и эвкалипта не исчезли совсем, лишь уступили доминирующее место другим вкусам – клубника, ананас и еще черт знает чему.

– Охренеть, – выпалил я, возвращая Софи бокал. Она ехидно улыбалась, будучи явно знакомой с принципом действия местных коктейлей.

– Вот поэтому я так долго выбирала, – она подмигнула мне. – Здешний бармен – настоящий маг, он может подарить любые ощущения. Где только Май его раздобыл? Настоящее чудо природы!

После пережитого за последнюю минуту я, действительно, был готов поверить в магию. А я еще радовался своему обыкновенному нефilterованному пиву!

– Вэл, у меня будет к тебе важная просьба, точнее, задание, – сменила тему Софи. Я кивнул, готовый слушать: пришло время поговорить о работе. – Завтра тебе не нужно приезжать в офис или к клиенту. Я хочу, чтобы до пятницы ты

написал код под Валентина Олеговича.

Я сузил глаза, но никак не прокомментировал ее слова, давая Софи самой рассказать, что именно она от меня хочет. Она закусила нижнюю губу, побарабанила пальцами по столу и продолжила:

– Я еще не знаю, что именно хочу, чтобы ты разработал. Но этот человек – кладезь информации, и нам надо через него выявить потенциальный фрод[22 - От англ. Fraud – мошенничество]. Я уже согласовала с партнером продление аудита на неделю, – Софи замолчала, давая мне время переварить информацию, но я лишь кивнул. – Можешь поработать завтра сам, изучи данные с чипа, а со среды я привлеку разработчиков. Но пока партнер не хочет, чтобы мы особо трепались: если дело с Валентином Олеговичем не выгорит, то пусть это будет стандартный аудит.

Я откинулся на спинку дивана, размышляя: работа предстояла нелегкая, я бы сказал, уникальная – никто и никогда ранее не сталкивался с подобным, насколько я знал.

– Хорошо, – согласился я, хотя понимал, что едва ли мне хватит опыта и знаний, чтобы написать соответствующий код.

– Вэл, ты можешь мне писать, звонить в любое время. Мне нужны твои гениальные идеи! – она параллельно с разговором добавила меня в диалог и поставила ему высший приоритет: сверху на моем виртуальном мониторе появилась маленькая закрепленная иконка с личиком Софи. – Я назначаю нам на завтра встречу.

В планировщике вмиг отобразилась новая заметка: «16:00. Обсуждение. Организатор: Софи Лейбниц».

– Давай постараемся, Вэл? Я знаю, что прошу о невозможном, и мы ограничены не только нереальной ситуацией, но и тремя годами анализируемого периода, – она с досадой покачала головой и, как бы в никуда, произнесла. – Если бы можно было посмотреть, когда устанавливался PASSUS, что они оставили за скобками.

Я склонился над столом, приблизившись к Софи насколько было возможно, и, смотря в ее тоскливые глаза, произнес:

– Софи, я постараюсь сделать все, что в моих силах.

Она улыбнулась одним уголком губ и на секунду дотронулась до моей руки, словно говоря: «Спасибо».

– Что-то хочешь еще? – спросил я, глядя на ее опустевший бокал, на шпажке остался только один кусочек чудного «волосатого» фрукта.

Софи покачала головой, она стала такой задумчивой и отстраненной, что я понял еще до ее ответа – наш ужин подошел к концу. Я вошел в меню оплаты, но Софи остановила меня словами: «Я оплачу, я же тебя пригласила». Бредовый этикет! Этика феминизма настолько проросла в нашем обществе, что спорить с решением Софи было даже оскорбительно. Правда, в какой-то миг, крошечный, мимолетный, я был готов поверить, что наш, по большому счету, рабочий ужин можно назвать свиданием. А ее финальные слова, что заплатит она, окончательно разрушили эту слабую иллюзию.

Когда мы вышли на улицу, дождь прекратился, и стало совсем темно. Нас обволакивал тихий безветренный осенний вечер, и только лужи на асфальте с отражением зажженных фонарей напоминали о недавней непогоде. Кафе находилось в паре станций от Зала Терапии, и я подумал, что неплохо бы туда сходить: впечатлений за день накопилось масса, и было бы не лишним спокойно перебрать и записать свои эмоции для очередной плановой встречи с сетью-психологом.

– Тебе на станцию? – спросила Софи.

– Да, задержусь в центре ненадолго, – странно, но мне не хотелось говорить, что я собирался в Зал Терапии, хотя в этом не было ничего постыдного, скорее, наоборот, привычный вечер для любого человека. – А ты?

– Домой, – односложно ответила Софи, она выглядела непривычно уставшей. – Пойдем?

Мы пошли по узкому тротуару, где как раз хватало места для нас двоих, проезжая часть была, по обыкновению, пустынной, а над нами метрах в пяти возвышалась эстакада с вакуумным тоннелем, по которому бесшумно сновали

поезда на магнитной подушке.

– Надо будет еще как-нибудь сходить в кафе твоего брата, интересное место, – закинул я удочку, особо ни на что не рассчитывая, видя усталость Софи.

– Да, Май – вообще авантюрист. Он и кафе-то открыл после знакомства с этим барменом, вроде его зовут Джей, или как-то так, – мне было интересно узнать о жизни Софи. Конечно, мы много общались в рамках проектов, но чаще касались вопросов, связанных с работой и, максимум, отпуском. – Можно будет сходить, я не против.

«Ух ты!» – щелкнуло внутри меня, но я не подал виду, надо было сохранить лицо, но, при этом не упустить свой шанс.

– Почему твой брат – авантюрист?

Софи тихонько рассмеялась и кратко взглянула на меня. В ее глазах плясали огни фонарей, многократно отраженные от стекол витрин, мимо которых мы проходили.

– Он смелый и интересующийся, он никогда не стоит на месте. Берет и делает, – она быстро пожала плечами. – Знаешь, я всегда смотрела на него с восхищением, и мне всегда казалось, что он и мне дает заряд решительности, хотя он младше меня на четыре года.

Софи перестроились за меня, чтобы пропустить встречного прохожего, а когда вернулась, пошла чуть ближе, продолжая рассказывать.

– Лет шесть назад он с другом организовал школу парашютного спорта, с юных лет прыгал сам, потом с головой ушел во фрифлай[23 - Фрифлай (англ. FreeFly, FF) – одно из направлений парашютизма, когда свободное падение осуществляется на более высоких скоростях в позах, отличных от классической. Относится к артистическим командным видам парашютного спорта, где участвуют два и или более спортсмена-перформера и оператор. (Источник: Википедия)]. Школа – до сих пор его любимое детище. Спустя пару лет Май прошел профобучение и занялся отельным бизнесом. У нас теперь есть небольшой отель на островах, представляешь! Мы туда частенько летаем даже просто на выходные. Могу дать тебе ссылку, вдруг запланируешь на следующий

отпуск.

– Здорово, давай, – поразился я. – А ты прыгала с парашютом?

– О да! – она громко рассмеялась. – Я – не самый удачный пример, я, скорее, смельчак поневоле. Каждый раз садясь в самолет, я практически ненавижу себя, что снова согласилась, и успокаиваюсь только на земле после приземления.

– Зачем же ты прыгаешь? – я был удивлен новым граням, которые открывала мне Софи.

– Азарт? Вечное соперничество с Маем? – она вновь пожала плечами. – А может, любовь к тому чувству, когда вот-вот сделаешь шаг вниз: я так сосредоточена и напряжена, ветер пронизывает насквозь, мысли – только о том, что надо сделать, чтобы через минуту стоять живой на земле. И вот короткий взгляд через километровую бездну и... шаг. Решительный, смелый, бескомпромиссный.

Я с восхищением смотрел на Софи, рассказывая, она словно стояла в самолете, во взгляде – бесстрашие, мышцы напряжены как перед прыжком. Она так сжала рукоятку своего сложенного зонта, будто он вот-вот раскроется, подобно парашюту, и безопасно спустит ее вниз через толщу облаков. Мы незаметно остановились перед лифтом, Софи прикоснулась к терминалу распознавания и дверь лифта скользнула в стену. Только в лифте я пришел в себя после ее рассказа. Мы поднялись на платформу с двух сторон огороженную стеклом: с одной стороны были бесконечные высотные дома и улица, пролегающая внизу, с другой располагались рельсы маглева. Спустя несколько секунд прибыл поезд, стеклянные автоматические двери открылись синхронно с дверями маглева.

– Мой следующий, – сказала Софи. Я проследил за ее взглядом: на стекле отображалось расписание ближайших поездов, я нашел свой – номер 35. Пассажиры зашли в маглев, две пары дверей закрылись за ними, и поезд стремительно исчез в темноте тоннеля. Я грустно улыбнулся: встреча с Софи завершалась. Я обернулся к ней, чтобы попрощаться, но встретил ее губы.

Она поцеловала меня с таким жадным неистовым вожделением, но так быстро, что я не успел сориентироваться. Я всецело ответил на ее поцелуй, подавшись вперед, но, когда я хотел притянуть Софи к себе, она уже отстранилась. За ее спиной мелькнул маглев, двери открылись, и она побежала, чтобы успеть на

него. Я хотел было рвануть за ней, но Софи подняла руку, не то останавливая меня, не то прощаясь. Мы смотрели друг на друга, казалось, что между нашими взглядами протянулся искрящийся оголенный электрический провод с напряжением в миллионы ватт. Стекло и металлические двери одновременным закрытием перерезали этот провод, унося от меня Софи.

Я бестолково смотрел вслед ушедшему маглеву, а губы еще горели жаром нашего поцелуя. Сердце бешено стучало, мысли сконцентрировались на том, как мне скорее добраться до Софи. Теперь я не был готов к тому, что не встречу с ней до пятницы, но я не знал, где она живет. Я открыл наш диалог, нажав на ее личико вверху виртуального монитора, но рука безвольно зависла над клавиатурой. «Надо дать время, не спеши», – я восстанавливал дыхание, стараясь успокоиться. За всеми нахлынувшими эмоциями я почти пропустил яркие цифры «35», «побежавшие» по стеклянному тоннелю над рельсами. Спустя миг двери открылись, и я вошел в маглев, который понес меня в Зал Терапии.

Глава 5. Виртуальная реальность

Две станции пролетели слишком быстро, а мне так хотелось восстановить в памяти последние пять минут. «Ничего, во время Терапии я полностью погружусь в воспоминания, – подбадривал я себя, хотя мое настроение было весьма смутным: я одновременно чувствовал возбуждение, счастье, досаду и тоску от упущенной возможности догнать Софи. – Интересно, будет ли она в своей сегодняшней Терапии возвращаться к нашему поцелую?»

Зал Терапии располагался в старинном здании с величественными колоннами на парадном подъезде, таких в городе осталось слишком мало, и, как правило, ими никто не занимался, оставляя их доживать свой век «объектов культурного наследия», чтобы потом на их месте построить новенький сверкающий небоскреб. Я поднялся на второй этаж и прикоснулся к терминалу распознавания на герметичной белой двери. Все было, как обычно: в полумраке на креслах располагались молодые люди, а в воздухе висела звенящая тишина. Я виртуально выбрал ближайшее свободное кресло и забронировал его для себя на следующий час, затем привычно ввел код программы, удобно расположился и надел VR-накладку.

Я сидел на невысоком парапете небоскреба, а город подо мной тонул во мраке глубокой ночи, разрываемой вспышками неоновой рекламы и светом из редких бессонных квартир. Я много лет проделывал этот путь и довел его до автоматизма: реальность темного Зала Терапии сменялась виртуальной ночной панорамой, работающей, словно триггер: всматриваюсь в огни, закрываю глаза, вспоминаю день смерти Марты, выдыхаю, открываю глаза и начинаю анализировать прожитый день – спокойно, без лишних эмоций. Сегодня триггер не сработал, и я понятия не имел, что пошло не так. Я смотрел вперед сквозь лес высоток и никак не мог закрыть глаза. Я опустил взгляд, в нескольких десятках этажей внизу в едва освещенных тоннелях молниеносно пролетали маглевые. У меня вдруг закружилась голова, и я машинально вцепился в холодный бетон парапета. Только спустя секунду я осознал бессмысленность своих действий и рассмеялся, я разжал кулаки и немного расслабился, позволяя телу и мыслям прийти в правильный настрой, чтобы начать Терапию. Я сделал несколько глубоких спокойных вдохов и обратил внимание на ветер, треплющий рукава рубашки. Я никогда прежде не замечал ветер, хотя, безусловно, на такой высоте он был, точнее, должен быть. Виртуальный мир точно отражал реальность, хотя каждый параметр можно было изменить под себя. «Юго-западный ветер, – подумал я, – влажный и теплый, но такой сильный».

Я всегда сидел с западной стороны небоскреба, даже себе не в силах признаться, что не могу подойти туда, откуда она прыгнула. Следуя течению появившейся мысли, я обернулся и в ужасе замер: около парапета с восточной стороны здания спиной ко мне кто-то стоял. «Марта!» – гулко раздалось в голове, я даже не мог сбросить жуткую навязчивую идею, расходящуюся по мне холодным эхом, лишь во все глаза пялился сквозь темноту, приколотенный к месту первобытным страхом. Фигура сделала шаг в сторону и развернулась: тонкие ножки-спички в длинных широких шортах, а правая рука машет мне. Я выдохнул и тоже поднял отяжелевшую свинцовую руку, приветствуя Лиану. Она быстрым шагом направилась ко мне, из темноты проступила ее худенькая мордашка, обрамленная непонятным ершиком русых волос, а на лице сияла широкая доверчивая улыбка.

– Привет, – крикнула она мне еще издали. – Как дела, Вэл?

Пока Лиана подходила, я поборол резкое желание выйти из виртмира. Я четко осознавал, что набрал правильный код, и никто не должен был появиться кроме меня на чертовом небоскребе. Однако страх того, что вчера я не смог закрыть Терапию усилием воли, неосознано находился внутри меня, но я решил рискнуть

– надо было понять, как она здесь оказалась и зачем. Если, конечно, было какое-то «зачем», сбой программы никто не отменял.

– Привет, Лиана, – выдохнул я, когда девочка почти приблизилась ко мне. – Все нормально, как ты?

– Хорошо, сегодня лучше, чем обычно, – она перелезла через решетку ограждения, чтобы усестись рядом со мной. – Завтра будет дождь.

– Как и сегодня. Осень, – отстраненно констатировал я, на моем мониторе, кажется, мелькала сводка погоды на завтра. «Не забудьте зонт!» – гласила новость, которую я машинально смахнул, даже не открывая.

– Ты чувствуешь, какой ветер? – она присела рядом, в полуметре от меня, свесив ноги в зияющую темную бездну, и беззаботно застучала пятками о парапет в такт неведомой мне мелодии. С вопросом она подняла нос и ненадолго прикрыла глаза, а потом неожиданно громко сама себе ответила. – Мокрый!

И расхохоталась, будто в этом было что-то смешное. Я пожал плечами и лишь недоуменно улыбнулся: ребенок, что с нее взять.

– Вэл, а почему ты сюда приходишь? – успокоившись, спросила Лиана.

Что я мог ей ответить? «Моя девушка десять лет назад прыгнула с этого небоскреба и разбилась, а я... А что я? Я – трус и не признаю, что закрыл не все гештальты, снова и снова возвращаясь на место ее гибели». Я упрямо смотрел на Лиану, не зная, что ей сказать, в конце концов, она не была моим психологом, чтобы раскрывать ей всех своих демонов, а ее вопрос – простое любопытство: незачем было вдаваться в болезненные подробности.

– С этим место меня кое-что связывает.

– С крышей? – она скривилась и посмотрела на меня исподлобья.

– Ну да, а что?

– Ах, – она раскрыла рот и хитро покосилась на меня, после чего прикрыла нетерпеливую улыбку рукой и сказала, прежде чем захихикала. – У тебя здесь был секс!

– Что? – я строго глянул на нее: господи, да она же совсем ребенок, а поднимает такие темы! Да и кто о подобном говорит с незнакомцами!

Моему гневу не было предела, но только я знал, что гнев граничит со смущением: она зрела в корень. Именно здесь мы первый раз занимались с Мартой любовью и не только первый, надо отметить.

– Вэл! – с укором бросила мне Лиана, словно прочитав мои мысли. – Ай-яй-яй!

– Хватит нести чушь! – отмахнулся я, сделав голос как можно более жестким, но, кажется, это еще больше убедило Лиану в правоте ее пошлой догадки.

– Ладно, молчу, – она примирительно выставила руку, но не в силах была сдержать смех.

– Да, настроение у тебя сегодня, что надо! – с сарказмом отметил я, пока она беззвучно хохотала, тщетно стараясь успокоиться. – Лучше скажи, почему ты не дома?

– Хотела увидаться с тобой, – как ни в чем не бывало ответила Лиана, вдоволь насмеявшись.

– Ого! – пораженно вырвалось у меня, стирая весь мой назидательный тон; я поспешил вернуть разговор в русло «взрослый-ребенок». – А родители знают, где ты шатаешься ночами?

– А какая разница? – она пожала плечами. – Твои же родители не знают, где шатаешься ты.

От такой дерзости даже я, выдавший многое, особенно в психушке, растерялся.

– Лиана, я – взрослый мужик, а ты ребенок! Ты, вообще, нормальная?

Я видел, как меняется ее мимика, как слетает улыбка с губ, а глаза делаются печальными. «Вот черт, испортил настроение девчонке», – с досадой подумал я. Но и терпеть ее бесцеремонность не было желания.

– Нормальная, – едва слышно прошептала Лиана.

– Слушай, я не хотел тебя обидеть, – отчего-то мне стало так жалко ее и захотелось оправдать свою грубость. – Нельзя ходить ночами хрен знает где и, тем более, говорить с незнакомцами, понимаешь?

Отдавал ли я себе отчет в происходящем? Едва ли... Я четко осознавал себя в симуляции, одно мгновение – и я могу выйти, оставив ночь, крышу небоскреба и Лиану в бесконечных кодах программы VR-установки. Но в то же время я говорил с ней, как с реальным человеком. «Днем – стыд перед виртуальной помощницей Эммой, сейчас вот оправдываюсь перед образом из виртмира, – думал я, смотря на реакцию Лианы. – Что дальше, Вэл? Начнешь вызывать духов с бубном или во что там верили предки?»

Лиана тяжело вздохнула, смотря вдаль, ее бодрый настрой совсем улетучился, вернув грустную девочку из нашей первой встречи во вчерашней Терапии. Я отвернулся и тоже уставился на устремленные к небу жилые дома и бизнес-центры разнообразных форм. Мы сидели в молчании, нарушаемом разве что сильными порывами ветра, я решил перейти к тому, зачем до сих пор оставался в симуляции.

– Как ты оказалась здесь? – мой вопрос как раз попал на очередной резкий порыв ветра, который почти осязаемо унес мои слова нам за спины. Я тут же отругал себя: «Молодец, отличный момент, да и вопрос – просто блеск».

– Так же, как и ты, Вэл, – она быстро глянула на меня, в ее взгляде была отстраненность и безразличие. Я обратил внимание, что она стала нервно теревить пальцы, как вдруг вспомнил, что я не представлялся ей по имени.

– Откуда ты знаешь мое имя? – спросив, в тот же миг подумал: «Ты – идиот? Она что, из реального мира и, будто ведьма из средневековья, узнала мегасекретную информацию? Не сам ли вводил свои параметры в Сеть, предоставляя каждым кликом на очередной «Подтвердить» доступ к своим персональным данным». Я неохотно повернулся и наткнулся на непонимающий взгляд Лианы. В ее зрачках

плясали неоновые блики то ли от мерцающей рекламы, то ли это были специально заданные в ее образ параметры.

– Ты когда-нибудь хотел прыгнуть отсюда? – ее вопрос гильотиной отсек мне голову. Я замер в ледящей тишине и подавил желание обернуться, чтобы посмотреть на место, откуда спрыгнула Марта.

– Да, – почти беззвучно вырвался ответ. Я не собирался ничего отвечать! И был шокирован от короткого тихого «да», так легко слетевшего с моих губ. Я отвернулся, чтобы скрыть подступившие слезы, и сильно сжал челюсть.

«Что за херня!» – мысленно прошипел я, невообразимо злясь на себя. Я не привык давать волю эмоциям даже с многочисленными психологами, а суицидальные мысли я проработал еще лет шесть назад. И тут меня поразила догадка!

– Жаклин, ты ли это?! – я иронично посмотрел в небо и от души засмеялся.

Ну, конечно, чем этот абсурд мог быть, как ни очередной «фишкой» моего сеть-психолога? Подослать мне грустную девочку-подростка с «тяжелой судьбой», которой я, как на ладони, выложу все свои тайны и глубинные переживания. Эмпатия? Сочувствие? Такая ведь цель этого эксперимента? «Посмотри, малышка, в жизни столько несправедливости. Тебя не любит брат? Родителям на тебя плевать? А у меня вот любимая девушка покончила с собой, и ничего, я же живу. Пострадал, побухал и иду дальше. Се ля ви[24 - От фр. C'est La Vie – такова жизнь], так сказать».

Насмеявшись, я вспомнил, что сеанс с Жаклин только завтра и, даже не глянув на ее детище, захотел выйти из симуляции. Но безуспешно.

– Кто такая Жаклин? – раздался голосок справа.

Я собрал все внутренние ресурсы, но снова не смог выйти из виртмира.

– Вэл?

Все также не смотря на Лиану, я снова и снова пытался покинуть Терапию. Что видела девочка, глядя на меня? Мои горящие ужасом глаза и раздувшиеся вены на лбу? Сжавшиеся кулаки с побелевшими и уже немеющими пальцами?

– Не уходи, – вдруг прошептала она. – Побудь еще немного со мной.

Кажется, даже капилляры на моей виртуальной проекции полопались от перенапряжения, хотя я понимал, что это отголоски тщетных потуг моего физического тела. Я в панике перевел взгляд на Лиану, которая, прикусив губу, умоляюще смотрела на меня.

– Как? – выдохнул я. Я имел в виду «Как ты, черт возьми, это сделала? Почему я еще здесь?», но не смог ничего больше вымолвить, дыхание перехватило, а язык пересох и одеревенел.

Девочка робко улыбнулась и протянула мне свою ладошку. Я затряс головой, не желая верить в происходящее и, тем более, брать ее за руку. Мной овладела тотальная безвыходность в прямом и переносном смысле слова. Лиана опустила руку, но все также пристально смотрела на меня, в ее взгляде появилось что-то дьявольское, или это рисовало мое воображение: сиреневые блестящие глаза будто разверзли саму космическую бездну и засасывали в черную дыру.

– Я многое могу, – ответила она на мой недоговоренный вопрос. – Смотри.

Она быстро вскочила и ловко перепрыгнула через решетку ограждения. Я, повинувшись неведомым инстинктам, встал следом за ней и тоже подошел к решетке, чувствуя тяжесть в мышцах и общее изнеможение – в теле, в разуме. Пока я кое-как перелезал через металлические прутья, Лиана со всех ног понеслась к восточной части дома. Когда я соскочил на поверхность крыши, девочка помахала мне с противоположного конца здания и крикнула что-то неразборчивое: ветер не донес до меня ее слов. Она с проворностью молодого львенка перескочила ограждение, запрыгнула на парапет и нырнула вниз.

– Нет! – вырвалось у меня, я потянул к исчезнувшей фигурке руку. Я был словно вывернут наизнанку, чувствуя, что меня сейчас стошнит от увиденного. Я был готов упасть от бессилия, но что-то неведомое тянуло меня туда – взглянуть на маленькое тельце, лежащее на асфальте в луже темной крови, в которой бы отражались неоновые блики вездесущей рекламы.

Спустя бесконечное мгновение в трагичной обреченности почти полукилометровой пропасти за бетонным парапетом взметнулись огромные неоновые крылья. Они искрились разными цветами, создавая рябь в глазах от каждого взмаха. А в центре удивительной конструкции находилось юное хрупкое тело Лианы, живое, не сломленное ударом от падения, как я уже вообразил. Я рефлекторно побрел к ней навстречу, мысли остановили свой ход: то, что я видел, было выше моего понимания. Сквозь бушующий ветер до меня начали доноситься слова:

– Вэл, ну же, живее! – кричала Лиана. – Давай-давай, сюда!

Я ускорил шаг и остановился за оградой, заморожено смотря на ее крылья – вблизи они были почти не видны, лишь мерцающая зыбь неона окружала девочку.

– Перелезай и прыгай! – скомандовала Лиана.

– Что? Нет!

– Доверься мне, Вэл, – она протянула обе руки ко мне. Под ней зияла черная бездна.

Я крепко вцепился в металл, бескомпромиссно смотря на нее. «Вот уж хрен тебе!» – показывал я ей всем своим видом.

– Где ты находишься? – вдруг спросила она.

Странный диалог как нельзя лучше соответствовал дикой ситуации, в которой я оказался. Я почти готов был истерически заржать. Что она хотела от меня услышать?

– В симуляции? – непонимающе ответил я.

– Вот именно! – подтвердила она, значит, как минимум, я еще не совсем свихнулся и находился в виртмире. Хотя и выйти из него не мог.

– И что? – тупо спросил я.

– А то, что ты можешь вообразить все, что хочешь! – она метнулась вниз по безумной широкой спирали, заставив мое сердце замереть от испуга. Но на этот раз я видел, как она сменила курс и устремилась вверх, плавные взмахи крыльев вернули Лиану назад. – Давай, прыгай ко мне!

– Я не задавал программу, – я закачал головой, я совершенно не понимал, как я мог прыгнуть. Это же был виртуальный мир: я ввожу код программы, и виртуальная реальность встречает меня в заданных параметрах – крыша небоскреба, тропики с водопадом, да пусть даже кабина самолета, где можно полетать. Если я прыгну – я разобьюсь, и меня выбьет из виртмира. Что-то щелкнуло внутри: вот как я могу выйти!

В эту же секунду Лиана приблизилась ко мне и опустилась на парапет, крылья за ее спиной исчезли.

– Ты мне не доверяешь! – констатировала она, жестко смотря на меня и с досадой качая головой. Я уставился на нее, встревоженный ее очередной сменой настроения. Но прежде чем я успел что-то ответить, она сказала. – Уходи, Вэл.

Меня выкинуло из симуляции. Я уставился на темный потолок Зала Терапии, ошарашенный неожиданным выходом. Хотя это и было моим желанием, моей целью – выйти из виртмира, но уж точно не по воле девчонки. Я скривился и автоматически потянулся к VR-накладке, но ее не было на виске. Я всполошился и повернулся, встретив ледяной взгляд красных глаз Майлза. Он крутил в пальцах мою накладку, но сам не двигался, замерев, будто восковая фигура. Вот теперь его нельзя было назвать элегантно-загадочным, скорее – леденяще-ужасающий вампир на охоте.

– Майлз? – я сделал попытку улыбнуться, но во рту все пересохло, отчего я закашлялся.

– Вэл, что сказал сеть-психолог на сегодняшнем сеансе? – спокойно начал он.

– Эм, мне пришлось его отменить... хм, были дела.

– Оглянись, – приказал Майлз, хоть его тон не менялся и был по-прежнему спокойным, но жесткость взгляда давала понять, что это – приказ.

Я покорно повернулся, Зал Терапии был абсолютно пуст, ни единого человека.

– Сейчас три часа ночи, – пояснил Майлз, видя мою озадаченность. – Я сижу здесь с полуночи. В 1:34 я снял твою накладку, предварительно трижды нажав резет и не получив отклика системы.

Я посмотрел на Майлза. Для такой поздней ночи он выглядел абсолютно бодрым и первозданным: манерно-гладкие зачесанные назад белоснежные пряди без единого выбившегося волоска. Я сохранял молчание.

– Вэл, автономная диагностика твоей VR-установки проводилась четыре раза. Твои пульс и частота дыхания зашкаливали. Вот отчет, – на этих словах у меня на виртуальном мониторе отобразилось новое сообщение от Майлза, я не стал его открывать. Он продолжил. – Как видишь, в 11:24 я начал принудительную проверку: внутричерепное давление составляло 14 мм ртутного столба, не критично, но твое обычное давление не повышалось никогда больше шести.

– Майлз, спасибо за заботу, – я прервал наш визуальный контакт и начал подниматься. – Я могу идти?

– Когда ты перешел на управление своей системы Wise Eye? – он поднялся вместе со мной и приблизился, не давая сделать шаг.

– М? – меня раздражало, когда чужие люди нарушали мое личное пространство, я не собирался ничего ему отвечать, хотя бы из-за накатившей волной злости. «Все что ты скажешь, может быть использовано против тебя», – вспомнились слова из старинных детективных фильмов с отцовского проектора.

– Вэл, мне нужен апрув на мой доступ в твою Терапию, – бескомпромиссно и нагло заявил он.

– Уже поздно, Майлз, я иду домой, – я похлопал настойчивого альбиноса по плечу, одновременно отодвигая его от себя.

– Я направляю тебе официальный запрос, зайди завтра ко мне, – проговорил он мне в спину.

– Пока, Майлз, – бросил я, подняв руку и даже не оглянувшись. А сам ядовито процедил себе под нос, – обязательно зайду! Пошел ты!

Я вышел в холодную осеннюю ночь, моросил мелкий противный дождь. Я потуже застегнул серый плащ и побежал на ближайшую станцию маглева.

Глава 6. Ностальгия

Только дома я осознал максимальную степень своей обессиленности. Я скинул тяжелые промокшие ботинки и, пройдя в комнату, прямо в сыром плаще рухнул на кровать. Невыносимо хотелось спать, но бесконечный поток мыслей, бурлящий и клокочущий внутри, не давал расслабиться ни разуму, ни телу. Я еще сильнее уткнулся лицом в одеяло и так сильно сжал его кулаками, словно давал себе последний импульс, после чего устало усевшись на кровати, я скинул плащ на пол (снова пожалев, что клинг-бот не унесет его в сушку) и дотянулся до тумбочки. Две крошки-таблетки понесли меня по волнам спокойствия, гармонии и всепоглощающего счастья. Не знаю, когда именно они начинали действовать, вероятно, эффект плацебо срабатывал уже от того, что эти белоснежные бисеринки Кира оказывались на моем языке. Почувствовав первые нотки приятного расслабления, я разделся догола, снял серьгу системы WE и довольно быстро заснул.

Вибрация у изголовья означала наступившее утро, я бросил взгляд на круглые часы над дверью в спальню: 6:00. «Блин, я не перевел будильник, сегодня же не нужно в офис», – с досадой подумал я, но спать совершенно не хотелось, хотя и обычная легкость после приема таблеток, на удивление, не чувствовалась. Отключив будильник на сенсорной панели, я потянулся к серьге, но замер на полпути: мне не хотелось возвращаться в Сеть. Я перевернулся на бок и посмаковал странную мысль: «Не хочу подключаться к Сети. Это как?»

Серьга лежала на тумбочке, небольшая серебристая капля, хранящая в себе наночип с почти безграничными возможностями. Сегодня дети получают такие «игрушки» почти с рождения, мне же подарили первый детский аналог системы

Wise Eye в четыре, сразу после смерти отца. Наверное, постоянное прокручивание голографических мультиков и различные виртуальные игры, которые, как верила мама, были исключительно развивающими, помогли отвлечь меня от мыслей о первой потере близкого человека. Пожалуй, я бы не понял или даже не вспомнил день смерти или похорон отца, но маленькой медвежонок с наночипом гарантированно предотвратил сильную психологическую травму столь нежного детского возраста. «Интересно, где он? – подумал я, приподнявшись и оглядевшись. – Пожалуй, он до сих пор хранится где-то в квартире». Любопытство и наличие свободного времени до начала рабочего дня возымели верх. Накинув свой застиранный, уже даже не черный халат, я прошел в гостиную, она же – бывшая родительская комната. Я лишь заменил двуспальную кровать, занимавшую слишком много полезной площади, на компактный диван, остальное же хранило в себе память моих детских лет.

Я ввел шестизначный код на панели одного из четырех вакуумных шкафов – на него я возлагал больше всего надежд. Он омерзительно зажужжал, наполняя свои стеклянные внутренности фильтрованным воздухом, очищенным от пыли, частичек моей кожи и различных микроскопических клещей-паразитов, что было абсолютно бесполезно, ведь я собирался открыть его, запуская внутрь все, от чего он старательно очищал воздух. Я лишь терпеливо вздохнул, в этой бессмысленности тоже был дух моего отца, как и во всем здешнем антиквариате: зачем он годами собирал все вещицы, полезного применения которым уже никогда не будет – оставалось загадкой. Я пытался навести здесь порядок, когда переехал, Марта была моей активной помощницей и единственным мотиватором. До сих пор на всех коробках, которые мы успели разобрать, сохранились надписи, сделанные ее аккуратным мелким почерком. На средних и верхних полках шкафов красовались бережно расставленные крупные предметы, а все нижние полки были заставлены коробками с мелочами. «Телефоны и смартфоны. Начало XXI века». В слове «смартфон» Марта допустила ошибку, мы долго смеялись, но не стали менять наклейку, решив, что это будет маленьким якорем, чтобы посмеяться в будущем, так никогда не наступившем для нас. Я с тоской улыбнулся, смотря на эту коробку сейчас: «Как же она была права!» На другой коробке чуть меньшего размера значилось «Первые голографические чипы» с огромным списком названий фильмов, в основном классические детективы, так обожаемые отцом и многое-многое другое. На части коробок не было надписей, Марта не успела их сделать.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

От англ. Upgrade – улучшение

2

VR – virtual reality – виртуальная реальность (англ.)

3

Виртмир – виртуальный мир

4

Искусственная нейронная сеть. Далее – ИНС или Сеть

5

От англ. Reset – сброс, перезагрузка

6

От англ. Approve – подтверждать

7

Поезд на магнитной подушке (от англ. magnetic levitation – магнитная левитация)

8

Робот для уборки. Бот – здесь и далее сокращение от «робот»

9

От англ. Swipe – проводить не отрывая, в частности, пальцем

10

Здесь и далее: от англ. Wise Eye – мудрое око. Система, включающая контактные линзы и контроллер, подключенный к ИНС. Контроллер, как правило, замаскирован под съемную деталь экстерьера – очки, серьги, броши, кольца и

др. (прим. автора)

11

От англ. Team Leader – руководитель команды

12

Сокращение от «Контрольно-пропускной пункт»

13

От англ. Zoom – увеличивать

14

От лат. Passus – шаг, в данном контексте – аббревиатура от англ. Professional Accounting Standards and Stand-alone Unified System – профессиональные стандарты бухгалтерского учета и автономная единая система (прим. автора)

15

Уровень существенности в аудите – это предельно допустимый уровень ошибки в бухгалтерской отчетности. Превышение данного уровня может с высокой

долей привести к тому, что на основании данной отчетности нельзя будет делать правильные выводы и принимать соответствующие ситуации экономические решения. (Источник: Современный предприниматель. Режим доступа: <https://spmag.ru>)

16

«На клиенте» – жаргонизм в аудиторской профессиональной сфере

17

От англ. Difference – разница

18

От англ. To lock – запереть, закрыть

19

От англ. Hard reset – принудительная перезагрузка, аппаратный сброс

20

От англ. Eagle – орел

21

Файл регистрации (протокол, журнал, лог; англ. log) – файл с записями о событиях в хронологическом порядке, простейшее средство обеспечения журналирования (Источник: Википедия)

22

От англ. Fraud – мошенничество

23

Фрифлай (англ. FreeFly, FF) – одно из направлений парашютизма, когда свободное падение осуществляется на более высоких скоростях в позах, отличных от классической. Относится к артистическим командным видам парашютного спорта, где участвуют два и или более спортсмена-перформера и оператор. (Источник: Википедия)

24

От фр. C'est La Vie – такова жизнь

Купить: https://tellnovel.com/ru/sole_lina/neboskreb

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)